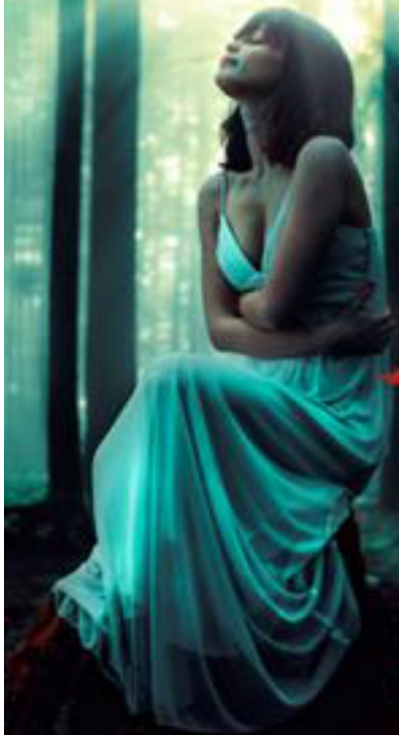

Пока стоит маятник

Л.Б. Медведская

12+

Наталья Брониславовна Медведская

Пока стоит маятник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40170989

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5321-1024-3

Аннотация

Алёна считала себя самой умной и красивой, но одноклассники не согласились с этим и дали ей обидную кличку. Став изгоем в классе, она не сломалась, а попыталась отомстить тем, кто особенно изощрялся в травле. Только вот месть оказалась слишком горьким блюдом и чуть не отравила Алёне жизнь. Она приняла одиночество за благо, изменила привычки и увлечения. Развила природный дар: умение проходить в параллельные измерения. Это стало её судьбой и работой. Чтобы выполнять задания бабушки, рискуя жизнью, начала спасать людей. Необычные способности подарили Алёне встречу с любовью всей жизни.

Содержание

Первая часть	5
Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	54
Глава 5	79
Глава 6	101
Глава 7	115
Глава 8	127
Глава 9	138
Конец ознакомительного фрагмента.	153

В оформлении обложки использована фотография с
http://paper5pc.com/brunettes-women-forest.html#gal_post_73314_brunettes-women-forest-wallpaper-1.jpg

Первая часть

Пролог

Мир утратил краски. Сначала трава стала пепельно-серой, потом белесой. Листья на деревьях и кустах перестали шевелиться от ветра и застыли под странными неестественными углами, совсем несвойственными нормальным растениям. Стайка воробьёв, летящая через поляну, замерла в воздухе, словно попала в жидкое стекло. Казалось, в этом мире полной неподвижности в живых осталась только девушка: стройная, небольшого роста, с волосами снежного цвета, и от этого кажущимися искусственными и кукольными. Девушка взирала на остановившийся мир с ужасом и любопытством.

«Как она попала сюда? Нечаянно уснула?»

Девушка осторожно двинулась по траве, листья под невидимым ветром склонились в одном направлении. Приблизившись к воробьям, коснулась пальцем зависшей птички и вздрогнула, уловив толчок крохотного сердечка, второй удар раздался спустя какое-то время. Пока она рассматривала крылья птицы, расправленные в полёте, на поляне возникла призрачная фигура, которая затем приобрела облик древнего старца.

– Здравствуй, Алана. Долго же ты добиралась сюда.

Сине-голубые глаза девушки округлились от удивления.

– Если вы ко мне обращаетесь, то немного ошиблись. Я Алёна.

Старец покачал головой.

– Плохо не знать своего предназначения, но ещё хуже не ведать настоящего имени.

Мир дрогнул, зашумел ветер, порхнули мимо девушки воробы. Трава и деревья стали обычного цвета, зашелестела листва, по лугу покатались зелёные волны.

Глава 1

Марианна ненавидела своё отчество, к красивому имени и звучной фамилии Донская-Лазарева простонародное Авдеевна не подходило совершенно. Если учесть, что отца Марианна помнила плохо, то по её мнению, дурацкое отчество следовало заменить на более благозвучное. Но как-то так получилось: желание и охота имелись, но времени для похода в загс не нашлось. Знакомясь, она всегда представлялась двойной фамилией. Весь вид Марианны намекал собеседнику: она высокородных кровей. Марианна не общалась с родной матерью, считая главной её виной, из череды других прегрешений, причастность к исчезновению единственного и горячо обожаемого мужа. Она уверила себя, если бы не странные и непонятные занятия матери, Дмитрий бы не пропал. После громкого скандала Марианна взяла с матери слово оставить её с дочерью в покое и никогда не попадаться им на глаза. Она пошла на крайние меры: переехала с трёхлетней дочкой в другой город и оборвала все связи с родственниками. Ей удалось устроиться секретаршей директора на крахмальный завод в провинциальном тихом городке Николаеве. В этой должности она пребывала и по сей день. Долгое время их крохотная семья жила спокойно, но в последнее время Алёнушка, так Марианна называ-

ла свою ненаглядную доченьку-кровиночку, задавала слишком много неприятных и опасных вопросов о родственниках, а также проявляла избыточную самостоятельность. Алёна не относилась к ангелоподобным детям и таковой виделась лишь Марианне, обуреваемой слепой материнской любовью. Только на первый взгляд белокурая малышка с большими сине-голубыми глазами и ямочками на щеках выглядела мило, но как только она открывала рот и начинала говорить капризным плаксивым голосом, впечатление очарования тут же рассеивалось. Чуть позже собеседник замечал и расчётливую не по годам холодность в глазах ребёнка. Если Алёнушке сразу же не подавалось желаемое, девочка устраивала истерику с падением на пол и таким оглушающим звуковым сопровождением, что Марианна тотчас сдавалась. Будучи неглупой женщиной, по отношению к дочери она слеpla и глохла, оправдывая и объясняя всё сложным характером ребёнка. Алёна росла уверенная в своей исключительности: она самая умная, красивая и талантливая, гораздо лучше ровесников. Первое столкновение с отрезвляющей действительностью произошло в детском саду. Избалованной Алёне не смотря на её плач и крики так и не отдали вожаделенную игрушку, которую она пыталась забрать у другого ребёнка. Мало того воспитательница сделала замечание. Возвратившись из детского сада, обиженная девочка подробно доложила обо всех косых взглядах и невыносимом мучении, причинённом ей жестокими детьми и грубой воспитательницей.

На следующий день Марианна бросилась на защиту невинно обиженной дочери, пригрозила воспитательнице принять самые жёсткие меры. Но к огромному удивлению получила вежливый отпор. Так и повелось. Каждый вечер Алёна старательно перечисляла, сколько раз её несправедливо обидели, а утром, отдавая дочь в группу, мать устраивала в детском саду скандал, быстро превратившийся в некую традицию. Марианна не желала слушать оправдания воспитательницы, отвергала все попытки открыть глаза на поведение девочки. Никто из взрослых в пылу ссоры не замечал горящих от удовольствия глаз Алёны, не обращал внимания на её удовлетворённую хитрую улыбку. В честь двойной фамилии, а также из-за вредности Алёна получила обидную кличку Ябеда-корябеда. С ней никто не дружил и не общался, но она не расстраивалась, считая себя центром мира, а центр бывает лишь один. Марианна свято верила, малышка неспособна на обман или ложь и даже не подозревала, насколько та искусно научилась манипулировать ею. Если Алёне хотелось получить вожаденную игрушку, а мать не могла купить в данный момент, девочка быстро сочиняла горестную историю о том, как её третировали, толкали и щипали в детском саду, а воспитательница специально этого не замечала. Только игрушка могла хоть немного утешить истерзанное сердечко. Марианна бежала по соседям, занимала деньги, лишь бы несправедливо обиженная дочь успокоилась и не плакала так горестно. Подрастая, Алёна довела способы манипулирова-

ния до совершенства.

Когда Алёне настала пора идти в школу, Марианна упростила директора завода помочь в устройстве дочери в лучшую элитную школу города, которую щедро спонсировали предприниматели. В этой школе имелся бассейн, выпускалась собственная газета, действовали различные кружки и студии, секциями руководили увлечённые педагоги. Марианна мечтала, чтобы её необыкновенная дочь с юности обрела нужными связями. В этой школе учились дети чиновников, владельцев магазинов, рынков, предприятий и другой городской элиты. Чтобы у народа не было нареканий, провинциальные сливки разбавили детьми, живущими поблизости. Марианна не учла, что её избалованная принцесса сразу же попадёт в когорту кухаркиных детей и будет вынуждена пройти суровую школу жизни. В первом «А» таких вместе с Алёной оказалось пятеро. Двум, будучи детьми учителей, оказалось легче, а вот остальным пришлось побороться за место под солнцем. Алёну несмотря на её возражение учительница посадила за одну парту с худенькой перепуганной девочкой. Глядя на этих детей на ум сразу приходило сравнение: день и ночь. Светловолосая и белокожая Алёна и смуглая с иссиня-чёрными волосами Диляра. Из двадцати четырёх учеников первого «А» восемнадцать пришли из одной группы элитного детсада и были знакомы с пелёнок. Буквально сразу капризной Алёне пришлось испытать горькое разочарование: больше она не единственная принцес-

са. В классе находилось ещё с десятков таких же заносчивых принцесс, испорченных няньками. Обиженная Алёна на перемене попыталась занять место на первой парте, но крупная рослая девочка, довольно грубо оттолкнув её в сторону, заявила:

– На подготовке я всегда сидела здесь, теперь это моё место.

Алёна поняла: силы не равны, а в драку ввязываться побоялась. Мама просила хорошо себя вести: школа не детский сад, могут исключить за плохое поведение. Пыхтя от злости как перегретый самовар, Алёна вернулась на свободное место к застенчивой Диляре. Отодвинувшись от соседки как можно дальше, прикрыла глаза пушистыми светлыми ресницами и стала мечтать о мщении противной девчонке.

«Вот расскажу маме, она ей задаст. Объяснит, что меня нельзя обижать».

После второго ознакомительного урока, учительница отпустила детей на перемену. К Алёне приблизилась девочка с первой парты. Презрительно оглядела её и, не обращая внимания на Диляру, будто той вовсе не существовало, басовито поинтересовалась:

– Ты кто?

– Лазарева-Донская.

– Дура! Кто твои родители?

Алёна вспыхнула от возмущения.

– Сама дура!

Девочка протянула руку и с силой стукнула в Алёну в грудь. Та пошатнулась, потёрла ушибленное место. Грубиянка сердито заявила:

– Я Юлия Платова. Никто не смеет обзывать меня дурой, – и повторила вопрос: – Кто твои родители?

Алёна закусила губу, мечтая вцепиться в волосы наглой Юле. Никто и никогда не смел так с ней обращаться. Она ощутила глубокое и непередаваемое потрясение вкупе со страхом, унижением и злостью. Понимая, что физически слабее Платовой, Алёна всё же вскинула голову и с вызовом посмотрела на одноклассницу:

– Моя мама человек!

– Понятно, что человек, кем она работает? Кто твой папа?

– Моя мама секретарь, – гордо ответила Алёна, умолчав об отце.

– Фи! Так ты из низов.

Алёна вспыхнула:

– Каких ещё низов. Я из верхов, – она не собиралась так легко отказываться от звания принцессы. – Я в сто раз красивее тебя. – Тряхнув головой, откинула за спину хвосты с подкрученными кончиками волос. Огромные белые банты, словно паруса корабля, качнулись над головой.

Юля громко засмеялась.

– Кто тебе это сказал? Да ты... ты... Твоя мама обслуживающий персонал. Поэтому ты должна знать своё место. А твой папа, наверно, дворник?

– У меня нет отца, – растерялась Алёна и впервые подумала: «Почему я не знаю, где мой папа?»

Юля сузила глаза и, явно подражая взрослым, ехидно произнесла:

– Ха-ха-ха! Дочка секретарши, которую бросил муж. Моя мама говорит такие как ты: неудачники.

Диляра робко вмешалась в разговор.

– Мой дедушка считает: все профессии уважаемы.

Юля повела плечиком, скосила глаза на Диляру и, не удостоив её ответом, направилась к своей парте.

– Вовсе ты не красивее Юли, – громко заявила худенькая изящная девочка.

– Совсем не красивее, – поддержала её другая толстенькая, круглая, словно колобок.

Обе девочки устремились к Юле и стали с ней шептаться. Алёна, насупившись, оглядела одноклассников. Одни смотрели на неё равнодушно, другие с любопытством, третьи косились с неодобрением.

– Неправда! Я самая красивая. А вы все просто мне завидуете, – топнула ногой Алёна, чувствуя отчаяние от невозможности настоять на своём, но она не собиралась сдаваться просто так, приготовилась дать отпор всем этим гадким детям.

Диляра ахнула и закрыла лицо руками.

– Ты похожа на белую мышь, – чётко выговаривая каждое слово, заявил светловолосый красивый мальчик с последней

парты.

Одноклассники дружно засмеялись. Некоторые повторяли: «Белая мышь, точно она белая мышь. У неё даже брови и ресницы белые».

Алёна удивилась. Этот мальчик был блондином, ещё час назад смотрел на неё и улыбался.

– Ты сам белый. Значит тоже мышь?

– Нет, – хмыкнул он. – Мышинская только ты.

Алёна растерялась. Особенно веселились и злорадничали девочки. Она не знала, как поступить и только злость не позволила расплакаться у всех на глазах. Словно в ступоре Алёна рассматривала одноклассника, отстраненно думая, что никогда не видела более симпатичного мальчика. Взрослый человек сразу бы отметил: блондин Саша Арно очень похож на Алёну, словно брат близнец. Дети же не заметили сходства. Ещё бы Сашу природа наградила тёмными ресницами и бровями, сделав краски лица насыщенными, а Алёну она обесцветила до состояния негатива, из-за чего радужка глаз казалась слишком яркой и неестественной.

– А моя мама говорит: красота не главное. Ум важнее, – пробасил коренастый плотный Артём Макеев, когда шум в классе наконец смолк.

Саша поддержал его.

– Намного важнее.

Алёна сверкнула глазами, полными невыплаканных слёз, и твёрдо заявила:

— Ах, так! Тогда я буду и самой умной, и самой красивой. — И дала себе слово: никогда больше не позволит над ней смеяться.

Её слова вызвали новый взрыв хохота и ехидные насмешки.

В класс вошла учительница, подняла руку, прекращая шум.

— Я вижу, вы уже немного познакомились с новенькими. А теперь я раздам листочки с перечнем кружков, студий и факультативов, пусть родители отметят, где вы будете заниматься после уроков. Завтра заполненные листочки вернёте мне. На сегодня занятия окончены. Ещё раз поздравляю с первым учебным днём.

Утром, разорившись на дорогой букет, Марианна отвезла Алёну на торжественную линейку в школу. К её огромному разочарованию купленные цветы в руках дочери поблёкли рядом с роскошными букетами других первоклассников. Второй укол в сердце она получила, разглядев в ушах одной из будущих одноклассниц Алёны серьги стоимостью в её годовую зарплату. Уж она-то знала цену: похожие серьги по просьбе директора покупала для одной из его дочерей на день рождения. Правда, лёгкая паника началась ещё раньше: на стоянке школы при виде шикарных машин. Казалось, здесь находился весь цвет зарубежного автопрома. От её бдительного ока не ускользнуло: большинство детей зна-

комы между собой. Её дочь находилась подле пятёрки растерянных первоклассников. Марианну слегка утешило: Алёна стояла спокойно, немного с вызовом поглядывая на высокую общительную девочку, наверно, интуитивно догадавшись, кто будет верховодить в классе. Марианна немного успокоилась, её умница-красавица дочь не останется незамеченной даже среди избранных, не тот характер. Алёна всегда настоит на своём. Изредка она признавалась себе, слишком избаловала дочь. Не отдавая себе отчёт, позволяла многое, лишь бы у той не проявились странные жутковатые способности, из-за которых она потеряла мужа и сбежала из родного города. Как только Марианна замечала, что Алёна замирает и смотрит в одну точку, сразу бросалась к ней.

– Что ты там увидела?

Обычно дочь, тряхнув головой, раздражённо отвечала:

– Ничего. Просто задумалась.

На какое-то время Марианна успокаивалась до следующего странного ступора Алёны. Пока она подрастала, излишнее внимание к своей персоне принимала благосклонно, считая себя существом высшего порядка. Со временем же стала злиться, не понимая, отчего мама пытается контролировать даже мысли.

На вопрос Марианны, как прошёл первый день в школе, Алёна недовольно буркнула:

– Плохо. Там столько гадких детей, и они все обижали меня.

Марианна впервые не стала расспрашивать дочь и обещать, что разберётся с обидчиками. Справедливо полагая: школа не детский сад по пустякам туда не набегашься, а скандалами только навредишь Алёне.

– Послушай меня, солнышко. Учёба – твоя работа, как у меня на заводе. Она не всегда будет лёгкой и весёлой. Ты должна сама справляться. Что бы тебе ни говорили, помни: ты самая лучшая.

Алёна поджала губы.

– Юля толкнула меня и не пустила на первую парту. Ты ей ничего не сделаешь?

– Если она плохая девочка, просто не подходи к ней и не обращай внимания. Ты должна учиться – это твоя главная обязанность.

Алёна осознала одно: больше мама её защищать не будет. Прочная семейная амбразура дала трещину. Девочка испытала новый шок и такую обиду, что надолго замолчала. Марианна, удивившись, что не последовало истерики, решила: дочь всё правильно поняла.

Глава 2

К концу второй четверти стало ясно, больше половины выпускников элитного детсада так и не приняли новеньких в свой круг. Мальчишки ещё общались с парой-тройкой ребят из класса, а вот Алёну и Диляру девочки полностью игнорировали. Три верные подруги Юли Платовой, выполняли все её указания, каждый день придумывая новые каверзы и подколки для Алёны. Диляру быстро оставили в покое, неинтересно третировать, когда не дают отпора, безобидная татарка просто молчала. Алёна же яростно сопротивлялась и одна стояла против сплочённых подруг. И уже было не разобрат, кто из них больше обидел и сделал гадостей. Иногда казалось, девочки находят удовольствие в этом противостоянии. Как-то Юля, получившая две звёздочки за домашнюю работу, потрясая тетрадкой, заявила:

– Тебе никогда не получить звёздочку по прописям. У тебя, Мышинская, руки-крюки.

Алёне и, правда, не давалось письмо, вожаденная звёздочка, вместо оценки, пока не светила, но она не собиралась оставлять выпад врага без ответа.

– А ты не можешь сосчитать до ста. Тупица!

– Ах, так! Скажу ребятам, и с тобой никто дружить не будет.

Алёна фыркнула:

– Мне никто и не нужен.

– Всем нужны друзья.

– Мне нет. Я самодостаточная личность, – с трудом произнесла Алёна выражение, часто употребляемое матерью. – Мне и одной хорошо.

Но как позже оказалось, не очень. Если отходчивые малыши в детском саду принимали её в свои игры, то одноклассники обходили стороной, будто чумную. Алёне стало бы совсем одиноко, если бы не Диляра. Застенчивая скромная татарка общалась с ней на переменках и после уроков. Алёна не могла побороть свою натуру, относилась к одноклассникам свысока, этим ещё больше настраивая против себя. Она осознавала: школа не детсад, мама не в силах заставить учителей и детей относиться к ней, как она того желает, поэтому перестала жаловаться.

Марианна сначала не обращала внимания на некоторую угрюмость и озлоблённость дочери, насторожило лишь излишнее рвение к учёбе. Прежде Алёна усидчивостью не отличалась.

– Тебя сильно обижают в школе? – встревожилась она.

– Ещё чего! Пусть только попробуют, – буркнула Алёна, старательно выводя буквы в прописи.

– Что происходит?

– Ничего.

В последнее время на Марианну навалилось много рабо-

ты, она не сразу заметила, что дочь неохотно говорит о школе, без нареканий садится за уроки. Честно говоря, она этому только радовалась. Алёна не отнимает время от редких минут отдыха. И если бы не полное исчезновение улыбки на милом личике дочери, она бы совсем не волновалась. Марианна хотела погладить дочь по склонённой голове, но та с досадой отшатнулась.

– Солнышко, если тебе нужна помощь, ты только скажи.

– Чем ты мне поможешь? – хмурый взгляд Алёны метнулся к окну. – Ты говорила я красавица и лучше всех. А я уродина.

Марианна опешила.

– Что!? Уродина?

– Я дохлая белая мышь.

От неожиданности Марианна засмеялась. Алёна подняла на неё глаза, наполненные слезами.

– Ты мне врала.

– Ты мышь? Да они тебе завидуют. Ты самая красивая девочка в классе.

Алёна задохнулась от возмущения.

– Так думаешь только ты. Никто мне не завидует. Олег сказал: я самая противная и гадкая на свете. Никто не хочет со мной дружить.

Марианна всплеснула руками.

– Ты веришь какому-то сопливному мальчишке, а матери – нет. Да ты у меня настоящая принцесса.

Алёна прыгнула со стула и затопала ногами.

– Перестань, перестань! Я не глупая. Раз я некрасивая, буду самой умной. Да я, да я ...я буду лучше всех учиться. Вот! Докажу, что я немышь.

«Вот оказывается, почему дочь часами сидит над уроками, по двадцать раз переписывает прописи. Это даже хорошо, но считать себя уродкой перебор».

Марианна, преодолевая сопротивление Алёны, прижала её к себе и прошептала:

– Послушай, малышка. Завидовать красивой внешности – в крови у слабой половины человечества. Девочки в классе специально тебя гнобят. А тот мальчик просто дурак.

Алёна выбралась из кольца материнских рук и чётко выговорила:

– Баба Клава сказала: все родители, как слепые кроты, считают своих детей самыми лучшими, а потом из них алкаши, маньяки и сучки вырастают.

Марианна ахнула:

– Зачем ты слушаешь эту злобную старуху. Хорошим девочкам не к лицу произносить плохие слова.

– У нас в классе все так говорят.

– Ужас! А ещё элитная школа.

Марианна не смогла убедить дочь, что её красота неяркая, не броская, а естественная. Девочка была ещё слишком мала, чтобы оценить утончённость своих черт и природную прелесть лица. Алёна, будучи от природы категоричной, ес-

ли раньше с подачи матери считала себя красавицей, то теперь – уродкой. Замечая в зеркале лишь бледно-коричневые брови, светлые ресницы и прозрачную кожу, решила: «Вырасту, обязательно выкрашу всё в чёрный цвет, тогда не буду смахивать на белую мышь».

– Может, мне всё-таки поговорить с учительницей, пусть она примет меры, – пробормотала Марианна, глядя на дочь, снова усевшуюся за письменный стол.

– Не надо, – сверкнула глазами дочь, выводя в прописи корявые буквы. – Никто тебя не послушается.

Марианна присела на узкую кровать Алёны, помассировала виски.

– Ты права, заставить дружить невозможно. Но мне кажется, всё наладится, когда одноклассники поймут: ты славная девочка.

– Я не славная, – произнесла сердито Алёна. – Я противная белая мышь.

– Хватит! Не смей повторять дурные слова! И никогда не верь им. Они все ошибаются, потому что дети тоже бывают злыми. Помни, ты лучше всех.

Алёна пристально посмотрела на мать и вздохнула.

– Хорошо.

Марианна Авдеевна обрадовалась, погладила дочь по голове.

– Другое дело. В жизни ещё много недоброжелателей встретишь. И что? Будешь верить каждому плохому слову,

брошенному тебе? Верь только мне и себе.

– Ладно. – Алёна протянула листок бумаги. – Учительница давно просила подписать.

Марианна вслух прочитала:

– В каких кружках, студии и на факультативах будет заниматься ваш ребёнок? Где ставить галочки? Чем бы ты хотела заниматься?

– В театральной студии и рисованием.

Марианна удивилась.

– Ты же плохо рисуешь и не любишь театр.

Она дважды водила дочь в детский театр и оба раза Алёна едва досиживала до конца представления. Ей не понравилась ни игра актёров, ни сам спектакль.

Дочь заявила: «Больше никогда не пойду туда, где взрослые люди придуриваются, изображая детей и животных».

– Я научусь рисовать, – проворчала Алёна, кусая кончик ручки.

Марианна пожала плечами и расписалась на листочке.

– Ладно. Надоест, сама бросишь. Но лучше бы пошла в танцевальную студию или на плавание, надо заниматься тем, к чему у тебя способности.

Алёна не стала говорить матери, что самой не очень-то хотелось участвовать в спектаклях или мазать красками бумагу, но раз четвёрка её врагинь собиралась стать школьными актрисами и художницами, она им не уступит и в этом.

Так с первого класса и повелось, куда Платова с подруж-

ками, туда и Алёна с Дилярой. Насырова словно хвостик следовала за Алёной, пытаясь иногда отговорить её от неблагоприятных поступков. Отчего-то Диляра считала себя обязанной поддерживать Алёну, хотя та совсем не жаждала этого. В первом же спектакле по детской сказке «Репка», переделанной на современный лад, Юля и Алёна чуть не подрались за роль внучки, из-за чего руководитель студии отчитал обеих девочек. В конфликт между ними постепенно втянулся весь класс, с азартом обсуждая, кто взял верх на этот раз. Если рисунок Алёны побеждал на конкурсе, ей записывался бал, Юле проигрыш. Платовой доставалась роль в новом спектакле, проигрывала Алёна. В ход шло всё: рисунки заливались краской, рвались костюмы, в портфель подкладывались жевательные резинки.

Девочки становились старше, но соперничество не угасало. В седьмом классе, в школьном театре, решили ставить «Снегурочку» Пушкина. Как всегда разгорелась нешуточная конкуренция за главную роль. Верные подруги Юли считали, что только она подходит на роль Снегурочки и сразу заявили это руководителю студии.

– Ха-ха! – засмеялась Алёна. – Снегурочка, которая на голову выше Леля. Смешнее не придумаешь. Даже Машка больше подходит. Илья Константиныч, я уже играла Снегурочку, роль знаю наизусть, – она продекламировала кусок монолога.

– Где это ты играла? – чуть ли не хором поинтересовались

подружки Юли. – Илья Константинович, она врёт.

Алёна, и правда, врала, не моргнув глазом. Она случайно узнала о спектакле раньше всех и почти два дня учила роль.

– Какое вам дело, – и прочитала ещё несколько фраз из пьесы.

– Не ссорьтесь девочки. Алёна больше подходит на роль Снегурочки и по росту, и по внешности. Главное, ей даже парик не понадобится, – прекратил споры руководитель. Ему порядком надоело соперничество доморощенных актрис.

Юля не преминула подколоть Алёну.

– И макияж тоже не нужен, она и так бледная, как поганка.

– Нет, макияж понадобится, Снегурочка в конце становится живым человеком.

А наша Мышь выглядит дохлятиной, – ехидно произнесла Маша Данилова.

– Прекратите! – рассердился Илья Константинович.

Алёна только улыбалась на выпады одноклассниц, этим зля их ещё сильнее. К четырнадцати годам Юля Платова и Оля Садовникова вымахали до ста семидесяти сантиметров – малочисленный мужской состав театральной группы едва доставал им до плеча. Небольшой рост Алёны давал шанс на получение роли, но чтобы точно побить соперниц, она выучила слова, ведь две оставшиеся врагини Соня Елизарова и Маша Данилова едва доставали ей до уха. Спектакль собирались поставить к Новому году, до которого оставалось две недели. Илья Константинович решил проводить репети-

ции три раза в неделю. Все эти дни Алёна наслаждалась победой над конкурентками, не догадываясь о мести. В день спектакля стояла по настоящему зимняя погода, из-за мороза в актовом зале было довольно прохладно, зрители не стали снимать верхнюю одежду. Актёры зябли в лёгких костюмах, но держались. Взволнованный Илья Константинович оглядел труппу.

– Всё готовы? Тогда начинаем. Мороз, Снегурочка ваш выход.

Алёна не узнавала себя в гриме, из зеркала на неё смотрела ослепительная красавица.

«Вот так я буду выглядеть, когда стану взрослой, сейчас мне нельзя красить брови и ресницы, иначе одноклассники начнут издеваться».

Она одёрнула чуть коротковатое платье, сняла сапоги и хотела надеть туфли, но не нашла их на своём месте.

– Снегурочка, твой выход! – слышался яростный шёпот Ильи Константиновича.

Алёна заметалась по гримёрке – туфли пропали. Пришлось бежать на сцену в одних носках.

«Вот зачем Машка Данилова крутилась возле меня – это она стащила обувь».

Уже через десять минут от холодных досок сцены ступни замёрзли, по-хорошему надо было бы сообщить о пропаже Илье Константиновичу. Но Алёна не собиралась сдаваться, её подстёгивал вид довольной Платовой и тайное удовлетво-

рение: Леля играл красавчик Саша Арно. Алёна-Снегурочка с большим удовольствием отвергала любовь бедного пастушка. Она лишь жалела, что это происходит только в пьесе. В жизни Арно её терпеть не мог, Алёна тоже не испытывала к нему тёплых чувств и не собиралась прощать одноклассника, наградившего кличкой – Мышинская. Саша играл так хорошо, что она невольно восхитилась его умением изображать к её героине горячие чувства. В глазах Арно светилась нежность и любовь, тёплые пальцы, касаясь руки Алёны, будили в ней непонятное томление и щемящую тоску, заставляя дыхание сбиваться. Голос Саши проникал в самое сердце и оно, растревоженное странными ощущениями, неистово билось в грудной клетке. Алёна, обуреваемая противоречивыми чувствами к партнёру по спектаклю, старательно подыгрывала, доказывая: я тоже умею играть в любовь. Дольше положенного смотрела в самые зрачки Арно, не замечая, как трепещут крылья его носа, как бьются жилки на висках одноклассника, а в глазах появляется растерянность и боль.

– Молодцы! – хвалил их игру Илья Константинович. – Вот так же нужно сыграть и на спектакле. Только не перегорите на репетиции. Что же ты, Арно, замер? Ты пытаешься поцеловать Снегурочку, но она убегает от тебя.

Губы Саши мазнули по щеке Алёны, она ощутила его дыхание. И вопреки рассудку захотелось, чтобы этот вредный мальчишка, давший обидную кличку, поцеловал её по-настоящему. Она бросила взгляд на его лицо и поймала ехид-

ную улыбку Арно. Алёна разозлилась на себя за глупое желание. Как она могла пусть даже на секунду принять актёрскую игру за настоящее чувство! Изобразив отвращение, Алёна гордо задрала подбородок.

К концу спектакля она уже не чувствовала ног и не сразу поняла, что наступила на осколок стекла, ощутив резкую боль в пятке. На искусственном снегу из пенопласта и мелко резаной бумаги появились пятна крови. Закусив губу от боли, Алёна прыгнула через костёр из трепещущих язычков алого шёлка и, стараясь не хромать, скрылась за портьерой. Всё! Теперь можно расслабиться: Снегурочка растаяла. Алёна сняла белый носок, выпачканный кровью, осмотрела порез. Не так и страшно, как показалось. Носовым платком завязала ранку, растёрла пальцы ног, посиневшие от холода.

– И как далеко вы собираетесь зайти, доставая друг друга, – слышался голос за спиной.

Саша Арно смотрел на её ногу странным взглядом. В первую минуту Алёне показалось, он её пожалел, но следующая фраза развеяла сомнения.

– Дуры! Готовы покалечить себя, лишь бы доказать... А что собственно хотите доказать? И кому? И так все давно поняли: вы идиотки.

Алёна сунула озябшие ноги в сапоги.

– А ты умник?

– Во всяком случае, не стал бы полтора часа в одних носках бегать по сцене. Сегодня они тебе стекол насыпали, зав-

тра ещё что-то придумают. Не пора ли остановиться.

В ушах Алёны ещё звучало оскорбление. Арно назвал её идиоткой, остального она не услышала.

– Банда Платовой пожалеет о сегодняшней выходке. Я им такое устрою, такое...

Саша махнул рукой.

– Понятно. С тобой бесполезно говорить, как и с ними, – он показал за спину, туда, где в финальной сцене, изображая селянок, кружились в танце подружки Юли Платовой. – Вы не идиотки, я слабо сказал, вы – кретинки.

– Да пошёл ты, Арно!

– Уже. С больными стараюсь долго не общаться.

На поклон Алёна вышла, не снимая сапог, они выглядели из-под лёгкого воздушного платья Снегурочки.

– Ой! А что это ты, как деревня, в сапогах. Неужели туфельки потеряла? – ехидно пропела Юля, раскланиваясь рядом с ней.

– Русалочку из меня сделали? По осколкам провели?

– Не понимаю о чём ты. Кто-то стеклянные игрушки нечаянно разбил, а тут ты в носочках. Наверно, больно?

– Теперь, Юлечка, ходи и оглядывайся. И подружки твои тоже. Мало вам не покажется.

– Угрожаешь? Ну и что ты нам сделаешь?

– Посмотришь.

Глава 3

Алёне не удалось быстро отомстить четвёрке Платовой. Через день она слегла с высокой температурой и провалялась в постели не только Рождественские каникулы, но и часть учебного времени. Её ни разу, кроме Дилиры, не проводали одноклассники, лишь ежедневно кто-то звонил по телефону и молчал в трубку. Алёна алёкала, потом, слыша дыхание невидимого собеседника, отправляла молчуна туда, где зимуют раки. Впервые у неё оказалось много свободного времени. Она усаживалась на широком подоконнике и смотрела на снег, падающий крупными хлопьями, похожими на куски сахарной ваты. С низкого серо-голубого неба эти куски сыпались уже вторые сутки, устилая толстым ковром землю и крыши домов. Деревья и кусты превратились в пушистые белые шары. Раз в два дня приходила Дилира, приносила задание, рассказывала школьные новости. После её ухода Алёна снова садилась к окну, пытаясь вызвать странное состояние оцепенения и спокойствия, которое появилось лишь трижды за её жизнь, но всякий раз бесцеремонно прерывалось матерью. Она забыла о нём в суматохе дней и лет, и лишь наблюдение за падающим снегом пробудило в ней воспоминание чего-то необыкновенно таинственного. Мать целыми днями находилась на работе и больше не могла мешать. Алё-

на расслабленно смотрела на танцующие хлопья и не сразу заметила, что они полетели всё быстрее и быстрее, пока не превратились в мельтешащие точки, будто мелкие световые мошки на экране испорченного телевизора. Она оглянулась и не увидела привычной обстановки комнаты, вообще ничего не увидела, словно оказалась внутри гигантского сломанного телевизора. Вокруг в полной пустоте искрились микроскопические огоньки. Машинально она протянула руку, зная, что перед ней должно находиться оконное стекло – рука свободно прошла вперёд. За сплошной стеной из световых мошек совсем не просматривался двор и сад, будто и за окном всё превратилось в один большой экран. Алёна испуганно ощупала себя, руки и ноги точно налитые свинцом едва подчинялись ей. В абсолютной тишине она уловила громкий стук, спустя некоторое время раздался ещё один. Алёна не сразу сообразила: это стучит её сердце. Очень медленно и громко. Она дико испугалась и попыталась закричать. Вместо крика раздался протяжный затухающий стон. Пространство, заполненное светящимися мошками, дрогнуло, раздался хлопок, словно раздавили бумажный пакет. Перед глазами снова возникла комната с окном, за которым медленно падал снег. Алёна легла на кровать, ощущая усталость и панику. Что произошло с ней? Где она оказалась, не выходя из собственной комнаты? А главное, что там дальше, за этими мерцающими огоньками?

– Алёнушка, ты где? – послышался голос матери.

За окном уже стемнело. Она не заметила, как задремала.

– Тебе стало хуже? – заволновалась Марианна Авдеевна, появляясь на пороге комнаты.

– Мам, сколько раз просила не называй меня так, чувствую себя персонажем с картины. Я всего лишь нечаянно уснула.

Марианна включила свет, немного подозрительно оглядела дочь.

– Я привыкла так называть тебя, чудесное же имя. Выглядишь ты неважно, – она села рядом с дочерью, пощупала лоб. – Холодный.

Алёна досадливо отодвинулась.

– Я выздоровела. Можно идти в школу и так много пропустила.

Появление в классе похудевшей Алёны Юля Панова встретила без комментариев, лишь Маша Данилова не удержалась от реплики.

– Белая мышь стала совсем облезлой.

Алёна едва удостоила взглядом подпевалу из команды Юли, тихо, но так, чтобы она услышала, процедила:

– Я не прощаю обид. Ты ещё получишь своё за туфли.

– Дрожу от страха.

– А стоило б дрожать. – Алёна опустила на своё место.

Диляра прошептала:

– Не обращай внимания, ты хорошо выглядишь.

– Ди, ты, как и моя мама, не можешь быть объективной.

Хотя Алёна самостоятельно занималась дома, одну из тем по алгебре не осилила и не смогла решить уравнения.

– Я хотел проверить, насколько ты отстала от программы, – заявил учитель. – Можешь остаться после уроков, объясню тебе тему.

Алёна, привыкшая справляться со всеми проблемами сама, не согласилась.

– Я разберусь.

Иван Евгеньевич хмыкнул:

– До чего ты упёртая Донская-Лазарева. Была бы честь предложена. Ну-ну попробуй сама. Или Анкитова попроси.

Захар Анкитов округлил глаза, Алёна за семь лет совместной учёбы едва перекинулась с ним парой фраз.

– Если захочет. Я готов помочь.

– Я сама.

– Она ни от кого не примет помощь, – едко произнёс Саша Арно. – Это означало бы признать, что она не самая умная в классе.

Учитель поднял брови.

– Даже так? Никто не может знать всё. Алёна, принимать помощь не зазорно. Ты ведь болела.

Алёна, заметив ухмылку Платовой, постаралась сдержать раздражение.

– Я подумаю. Но сначала попробую сама.

После уроков Диляра предложила зайти в чайную, ей

не терпелось рассказать новости. Заведение, расположенное неподалёку от школы, принадлежало отцу Диляры, здесь к нескольким сортам чая подавались свежие пирожные, пироги и пирожки всех видов.

– Две недели назад у моей сестры состоялась помолвка, – Диляра взяла торжественную паузу, ожидая вопросы от Алёны.

Та откусила кусочек эклера и довольно равнодушно поинтересовалась:

– И что?

– На ней я познакомилась с замечательным человеком. Он такой необыкновенный! Я хочу выйти за него замуж.

Алёна поперхнулась. Её и Диляру нельзя назвать подругами в полном смысле этого слова. Они никогда не делились девичьими секретами. Да и не имелось раньше сердечных тайн, а свои мысли Алёна не собиралась никому озвучивать. Их разговоры велись лишь на общие и школьные темы. Теперь она не знала, как реагировать на это признание.

– Понятно в будущем ты собираешься стать его женой.

Диляра отхлебнула чай, в чёрных глазах загорелись огоньки.

– Это любовь с первого взгляда. Я хоть сейчас готова выйти за него замуж.

Алёна подняла брови, в голове не укладывалось, что Диляра говорит всерьёз.

– Но ты же ещё маленькая.

– Я маленькая? Если хочешь знать, раньше татарки выходили замуж в четырнадцать лет.

Алёна по-новому взглянула на Диляру, впервые заметив, что та вовсе не пухленькая, как думалось раньше. У неё женственные формы, сформировавшаяся грудь, а ещё оказывается, она красит брови и ресницы.

– Но ты даже школу не закончила.

Диляра улыбнулась, откинула косы за спину.

– Чтобы стать хорошей женой необязательно быть учёной. По-хозяйству я уже всему научилась.

Алёна совершенно не понимала одноклассницу. Неужели Диляре хочется заниматься домашними делами и... Она покраснела, представив, что ещё нужно делать с мужем. Это было совсем непостижимо, отвратительно и мерзко. Увлечённая войной с командой Платовой, желанием всем доказать, что она лучшая, Алёне не приходило в голову обращать внимание на противоположный пол. Ну разве что на Арно. Но и с ним она ошиблась: Саша хороший актёр, не более. А теперь и тихая скромная Диляра совсем не такая, как она о ней думала.

– А сколько ему лет? – поинтересовалась растерянная Алёна.

– За двадцать. Он уже работает и сможет обеспечить нашу семью.

Алёна совсем растерялась и на некоторое время впала в ступор. Разговор казался ей полной бессмыслицей. Ди со-

браслась замуж за взрослого человека и рассуждает, словно она не школьница, а опытная тётенька.

«Неужели я настолько отстала от жизни? Или совсем не знаю Диляру?»

– Он слишком старый для тебя, – буркнула Алёна.

– Ты даже не представляешь, какой он красивый, – Диляра провела пальчиком по экрану телефона. – Смотри.

Алёна глянула на дисплей и не удержалась от восклицания. Принц Диляры походил на моджахеда, какими их показывают по телевизору.

– Фу! Он лысый и с бородой.

Диляра обиделась.

– Много ты понимаешь. Я рассказала тебе о нём, потому что мне нужна твоя помощь.

– В чём?

– Али приедет за мной после полуночи. Мне нужно куда-то перенести вещи. Я могу сделать это только днём, пока никого нет дома. Я хочу оставить их у тебя, потом заберу.

– Ты собираешься сбежать из дому?

– Романтично, правда? Позже Али приедет к отцу просить моей руки.

Алёна покачала головой.

– Ничего не романтично. Ты удираешь, потому что никто не разрешит выйти замуж за этого Али. Вдруг он преступник?

Диляра вскочила из-за стола, чуть не перевернув чашку.

– Как ты смеешь его оскорблять? Он самый лучший и любит меня. Я попросила как подругу. Поможешь? Ты ведь не трусиха... Ты как поперечная пила, всегда против всех.

Алёна насупилась, ей не понравилось сравнение с пилой, слишком противный звук она издаёт. Или она такая же надоедливая?

– Можешь привезти вещи.

Диляра обрадовалась.

– Тогда я побежала собирать сумку, жди меня через три часа.

Вернувшись домой, Алёна стала бродить по комнатам, не находя себе места. Дурное предчувствие и понимание, что Диляра совершает ошибку, не покидало её. Раньше ей не приходилось думать и переживать за другого человека. Она подошла к окну, стала рассеянно наблюдать за редкими снежинками, кружащимися в морозном воздухе. Алёна вспомнила о вчерашнем странном опыте, захотелось его повторить. Она сосредоточилась, успокоила дыхание, отключилась от всех звуков. По мере того как замедлялось биение сердца, а тело наливалось тяжестью, снежинки кружились всё быстрее и быстрее, пока не превратились в сплошной светящийся вихрь. Алёна пересилила себя и шагнула в мельтешащую круговерть. Раздался громкий хлопок, её словно пробку, выстрелило куда-то вперед, тяжесть исчезла. Она открыла глаза и от неожиданности увиденного едва сдержала

крик. Место, куда её вынесло, совсем не походило на город, в котором Алёна прожила всю жизнь. Перед глазами расстилась долина, окружённая невысокими горами, освещёнными заходящим солнцем. Долину, сколько видел глаз, усыпали валуны разного размера. Под ногами шелестели длинные узкие листья сухой травы. Метрах в десяти от неё висел овал дрожащего света.

«Путь домой», – сообразила она, страх из-за необдуманного поступка исчез, появилось любопытство.

Показалось, что валун рядом с ней пошевелился. Алёна взвизгнула и попятилась.

«Фу, почудилось!»

Она настороженно огляделась – долина как долина. Трава немного странная, сухая, как осенью, а ведь сейчас зима.

«Как здорово! Вмиг переместиться из комнаты на простор. Чудо какое-то. Куда меня занесло? Может в Австралию? Было бы здорово найти такой способ путешествовать».

Словно вспышка мелькнуло воспоминание из далёкого детства: она уже видела похожий пейзаж.

Алёна мелкими шажками приблизилась к камню, тронула его пальцем. Так, на всякий случай. Удивлённо воскликнула:

– Ой! Мягкий!

– Структура моего тела несильно отличается от твоего, – услышала она спокойный и какой-то умиротворяющий голос.

Умиротворение не помогло, Алёну охватил жуткий страх

– она не сразу сообразила: голос звучит внутри головы.

Закрыв рот обеими руками, Алёна попыталась сдержать вопль. Только округлившиеся глаза выдавали сильнейшее потрясение. Валун пошевелился, откуда-то снизу, будто сложенные крылья, развернулись четыре щупальца. Две верхние конечности заканчивались кистями, похожими на обычную человеческую руку, но с более длинными хрупкими пальцами. Нижние походили на ноги, только уж больно слабые и тонкие. Из вершины валуна поднялось что-то наподобие головы и уставилось на девочку блестящими круглыми глазами без зрачков. Там, где у людей располагается нос и рот, у валуна торчал большой клюв. Щарообразная голова повернулась вправо-влево на морщинистой шее, словно выискивала кого-то. Алёна заметила узкие щели там, где должны быть уши. Она напряглась, собираясь убежать при малейшей опасности. Странно, но от живого валуна с руками-щупальцами Алёна ощущала тепло и радушие. Настороженность девочки не исчезла, но страх пропал. Чудо-юдо с ножками, так про себя окрестила непонятное существо Алёна, наклонив голову, внимательно смотрело на неё.

– Приветствую тебя на Тарии. Ждать твоего прибытия пришлось несколько лет. Я уж отчаялся, думал, ты окажешься трусихой, как твоя мать.

Удивление Алёны достигло предела.

«Мама видела это место? Получается, существо знало обо мне и ожидало».

Она откашлялась, на зубах захрустел мелкий серый песок. Такой же песок тонким слоем покрывал её одежду и открытые участки тела.

– Где я? Как ты разговариваешь со мной? – Алёна покосилась на светящийся овал. Не исчез ли?

Валун приподнялся на ногах и, неловко перебирая ими, приблизился к гостье. Та едва сдержалась, чтобы не рвануть в спасительный проход.

– Не бойся, я не сделаю тебе ничего плохого. А общаюсь с тобой ментально, знания языка для этого не требуется. Ты на планете Земля, на её копии Тарии. Слышала что-нибудь о параллельных вселенных?

Алёна кивнула, заворожённо глядя в глаза валуна. Они уже дважды поменяли цвет: из чёрного стали зелёными. Показалось, будто они испускают свет и как-то странно на неё влияют. Валун указал на розовеющее небо.

– Почти как у вас. Теорию о множественности миров знаешь?

Меньше всего сейчас она ожидала рассуждений о науке, но именно это подействовало успокоительно, заставляя девочку сосредоточиться на ответе.

– По астрономии учитель рассказывал: миры, словно листы в книге, располагаются близко друг от друга. Из одного в другой можно перейти в местах их соприкосновения. Но это ведь только теория.

Валун затрясся. Алёна с любопытством смотрела, как ко-

лыхается шар, покрытый коричневато-серой кожей. Ей тоже стало смешно, на щеках девочки прорезались ямочки.

Глаза валуна снова изменили цвет: из зелёного стали голубыми. На Алёну повеяло спокойствием.

– Извини, любопытно слышать от того, кто способен проходить из одного измерения в другое, что это лишь теория. Давай о науке побеседуем в другой раз. У тебя мало времени. Если здесь ты находишься минуту, то там у вас пройдёт три. Я наблюдал за тобой с детства. Однажды крошечным ребёнком всего на секунду ты проявилась в нашем мире. Между нами образовалось что-то вроде связи. Сейчас ты не всё поймёшь, но поверь, мы очень полезны друг другу. Я могу помочь отомстить твоим врагам, при необходимости прийти на выручку.

Алёна с сомнением посмотрела на валун.

– Развитие цивилизации на этой земле пошло по-другому пути? Здесь стали развиваться камни? Что ты за существо?

Валун затрясся сильнее. Алёна тоже захихикала.

– Что я сказала смешного?

– Камни? Ты назвала нас камнями? Миллионы лет назад мы были обычными людьми. Почти. Но в развитии, по сравнению с вами, ушли столь далеко, что вы вряд ли сможете нас догнать. Отчего страдает человек больше всего? От холода, голода, а также излишних вредных эмоций. Мы настолько изменили свои тела, что нам не страшны перепады температуры, питанием может служить всё что угодно, даже песок

и камень. Мы способны расщепить на молекулы любое вещество. Нам удалось до бесконечности продлить срок жизни, поэтому исчезла надобность в размножении, а большинство чувств отмерли как ненужные. Осталось главное: способность к самосовершенствованию и познанию. Разве не в этом предназначение человека: совершенствоваться?

Алёна вздохнула. Да уж. Из людей превратились в морщинистые шары с тонкими руками и ногами. Бр-р-р. Она покосилась на остальные валуны вокруг неё.

«Интересно, это бывшие люди или настоящие камни?»

Пока они никак не проявляли своего присутствия.

– И чем же я могу быть тебе полезна? Или ты мне, – усмехнулась она и поинтересовалась: – А имя у тебя есть или только номер?

Глаза валуна снова поменяли цвет: из голубого стали жёлтыми.

Алёна ощутила беспокойство. Валун почти человеческим жестом почесал лысую голову.

– С номером угадала, но имя тоже имеется. Меня зовут Неркан, что означает удачливый. Про мою пользу сейчас узнаешь. У тебя есть какая-то неотложная проблема?

Алёна вспомнила о Диляре. Только вот она сильно сомневалась, что Неркан ей поможет.

– Я волнуюсь за свою подругу. – На слове подруга она запнулась. Ведь Диляру трудно назвать настоящей подругой, вне школы они общались очень редко. – Она собралась убе-

жать из дома с взрослым мужчиной. А вдруг он маньяк или террорист?

Неркан протянул пару щупалец вперёд, щёлкнул пальцами. Перед глазами изумлённой Алёны появился прозрачный экран, прямо как в виртуальной игре.

– Самым ценным товаром на любой планете является информация. Я могу подключиться к информационным сетям на вашей земле. Скажи данные этого мужчины?

– Я ничего кроме имени о нём не знаю.

– Ладно. Говори о глупышке-подруге.

Алёна назвала имя, фамилию и отчество подруги. Глядя, как Неркан сразу десятью пальцами работает на виртуальной клавиатуре, невольно позавидовала. Он вывел на экран страничку Диляры в интернете.

– Смотри фото. Увидишь этого Али, скажи.

На прозрачном экране замелькали снимки, среди них появились фотографии с помолвки сестры Диляры.

– Вот он, – Алёна ткнула в снимок лысого мужчины с короткой бородкой.

Неркан вывел изображение Али в центр, вокруг этого изображения с большой скоростью замельтешили другие. Через пару секунд появились фотографии Али рядом с молодой женщиной, потом с двумя детьми. Ещё с детьми, но уже старше. Алёна подошла ближе, пытаясь прочесть надписи. Неркан тут же увеличил изображение.

– Он женат. У него двое детей. Я была права, этот Али

зачем-то обманывает Дилияру, – произнесла она с досадой. Уж очень не хотелось сообщать подруге плохие вести.

Неркан свернул экран, протянул Алёне белый квадратик размером со спичечный коробок.

– Возьми этот прибор, сюда я поместил снимки Али с женой и детьми. Нажмёшь на эту кнопочку, фото появятся на небольшом экране. Покажешь своей подруге. А теперь возвращайся домой. Прибор служит также и маячком, не потеряй его, он ещё пригодится.

Алёна взяла коробочку. Очень необычный получился контакт с представителем другого измерения. Совсем не так она представляла инопланетян и встречу с ними. Вышло слишком по-деловому.

– Спасибо. А я чем помогу тебе?

– Просто всегда носи маячок с собой, – Неркан осторожно дотронулся до руки Алёны.

Та ощутила лёгкое прикосновение прохладных шершавых пальцев.

– До встречи, – прожурчал голос Неркана у неё в голове. Его глаза засияли золотистым светом.

Алёна смутилась, ощутив непривычную для неё теплоту к другому существу.

– Но у меня ещё столько вопросов.

– Я обязательно на них отвечу. Позже. Иди, иди, – он легонько подтолкнул её в сторону овала.

Алёна кивнула и поспешила к мерцающему проходу.

Через секунду она очумело трясла головой, пытаясь сфокусировать взгляд на окне, перед которым по-прежнему стояла. Если бы не белая коробочка в руках, впору решить: путешествие на другую планету ей приснилось. Алёна нажала на кнопку, раздался щелчок. В полуметре от неё вспыхнул экран размером с книгу, появилось фото Али: одно, второе, третье. Алёна снова нажала кнопку, экран погас. Громко зазвонил телефон, она вздрогнула от неожиданности и чуть истерично засмеялась.

«Кому рассказать, не поверят».

Поднесла телефон к уху, послышался сбивчивый голос Диляры.

– Привет, это я. Открой калитку, не могу войти.

«Надо же как я вовремя вернулась. Или этот Неркан знал, когда она появится?»

Алёна совсем забыла, что подруга сама с ней договаривалась на это время. Диляра еле перенесла тяжёлую сумку через высокий порожек калитки и по заснеженной дорожке покатила к дому.

– Я не знаю, что мне понадобится, взяла сколько влезло.

– Ты хорошо подумала? – Алёна брела за подругой, не зная, как ей сообщить об Али.

– Только не начинай. Просто спрячь это до ночи.

Алёна обогнала Диляру, ухватила за ручку сумки и потащила её к садовой скамейке. Страхнула пушистый снег с досок.

– Сейчас я покажу тебе кое-что.

Диляра, насупившись, с недовольным видом уселась. Алёна вытащила коробочку, нажала кнопку. На экране, возникшем в воздухе, появилась первая фотография Али с молодой женщиной, потом вторая с детьми, третья. Экран погас.

– У него семья. Поэтому возвращайся домой и забудь его.

Диляра посмотрела на неё потемневшими глазами.

– Это какой-то новый смартфон? Где купила? Я тебе не верю. Ты перестаралась с фотошопом.

– Это не фотошоп. Ты слишком молода, а он уже взрослый дядька. Любо-о-овь, – издевательским тоном произнесла Алёна. – Ты ему поверила, а вдруг он на органы решил тебя продать.

– Ребята говорили, что ты гадина, и стараешься только для себя, но я всегда тебя защищала. Одна, одинёшенька со всего класса. С тобой никто не дружит, потому что ты считаешь себя лучше всех. И хочешь быть первой во всём. А теперь не можешь перенести, что меня любят, а тебя нет.

– Я об этом даже не думала, – удивилась такому повороту Алёна и фыркнула: – Ни о какой любви не думала. К кому? К нашим противным мальчишкам. Фу! Бе-е-е.

– Вот именно! А меня полюбил такой необыкновенный человек. По-настоящему. Ты позавидовала и сотворила эту гадость. Я считала тебя своей подругой и сильно ошиблась. Обойдусь без твоей помощи. – Диляра подхватила сумку и покатила обратно к калитке.

Алёна опять захлопнула калитку на замок.

– Я ничего не делала. Это правда. Не дам тебе делать глупости.

– Да кто ты такая. Сейчас же пропусти. Я сказала: пропусти! Жалею, что пришла. Не имеешь права меня держать! – закричала Диляра.

Алёна открыла калитку.

– Иди. И я не завидую.

Она медленно побрела в дом.

«Впервые захотела помочь и не получилось. Но я пыталась».

Ближе к вечеру Алёна стала волноваться сильнее и сильнее. Ей представлялось, что у Диляры подпольные хирурги вырезают почку, или вообще делят на кусочки. А что если этот Али продаст её в жёны арабскому шейху? Про такое по телевизору показывали. Не выдержав переживаний, Алёна заявила матери.

– Я оставила у Диляры реферат по истории, а завтра нужно его сдать. Сейчас сбегая и заберу.

Марианна Авдеевна поперхнулась, Откашлявшись, полюбопытствовала:

– С каких пор вы вместе пишете рефераты? Позвони, Диляра захватит его в школу.

– Я быстренько, тут недалеко. Мне нужно его закончить. – Алёна выскочила из дому, как ошпаренная.

Фасад дома семейства Насыровых украшала лепнина, в

больших арочных окнах с зеркальными стеклами отражались лапы елей, усыпанные снегом. Алёна нажала кнопку звонка, подождала немного, на ступеньки, освещённые фонарём, вышла Диляра в лёгком фланелевом халатике. Увидев её, быстро захлопнула дверь. Алёна, не зная, что дальше предпринять, стала кружить перед воротами. К счастью, вскоре к дому свернула машина, из неё выбрался отец Диляры.

– Здравствуй. Не можешь дозваться? – поинтересовался он, заметив утоптаный снег. – Может звонок не работает?

– Добрый вечер. Работает. Я хотела увидеть кого-то из взрослых. У меня важное дело.

Смуглое лицо мужчины осталось беспристрастным.

– Слушаю.

– Я пыталась убедить Диляру, но у меня не получилось. Сегодня около двенадцати ночи она сбежит из дому с Али. А он, как я узнала, женат. В общем, я волнуюсь за неё.

– С каким таким Али? Это не шутка?

– Думаю, Диляра не шутила. Поговорите с дочерью, она вам всё объяснит, – Алёна чувствовала себя неловко и довольно глупо.

Отец Диляры смотрел на Алёну с недоверием и подозрением. Эту девочку он знал плохо, она всего пару раз приходила к ним домой.

– Я поговорю.

– Я пойду. – Алёна переступила с ноги на ногу.

– Иди.

Она чувствовала спиной, мужчина смотрит ей вслед. Скрывшись за поворотом, Алёна не пошла, побежала. На душе скребли кошки. А если она подвела подругу? Вдруг Али не виноват. Поверила не однокласснице, а первому встречному инопланетянину. Но в глубине души знала, Неркан сказал правду. И всё же ощущала себя предательницей.

Мать застала сидящей на кровати в её комнате. Она подняла голову и посмотрела на неё взглядом, в котором был ужас. Алёна вздрогнула.

– Мам, ты чего так испугалась? Я же сказала: вернусь быстро.

Марианна Авдеевна протянула к дочери руку, испачканную в серый налёт.

– Откуда это? – поинтересовалась она осипшим голосом. – Скажи мне правду. – На застывшем от напряжения бледном лице дрожали губы.

«А ведь мама знает, что это такое? – поняла Алёна. – Этот налёт оказался на одежде и коже после перехода через светящийся овал. Она умылась, переоделась, засунула одежду в стиральную машину, но часть серого вещества, видимо, просыпалась на пол. – А может, она знает и о другой Земле? Ведь Неркан что-то упоминал...»

Марианна Авдеевна вскочила с кровати и крепко ухватила дочь за плечи.

– Да говори же, чёрт тебя побери! Откуда это взялось в твоей комнате!?

Алёна видела, как сильно напугана мать и поняла: ни в коем случае нельзя признаваться. Только теперь осознала, почему та всегда следила за ней, не давая сосредоточиться, не разрешая подолгу находиться одной. Она не была уверена в её способностях, но подозревала о них. На какое-то время, видимо, она успокоилась, но сегодня обнаружила этот налёт и встревожилась. Что же такого страшного в её способности?

– Мама, извини, я сожгла несколько листков бумаги в комнате. Поленилась идти на улицу, но я открывала форточку, чтобы вышел дым, – повинилась Алёна, надеясь: ложь получилась правдоподобной.

– Так это пепел? – выдохнула мать с облегчением.

– Ну да. А ты что подумала?

Мать растерялась, не зная, как выкрутиться.

Алёна решила ей помочь.

– Я не курю. Правда-правда.

– Ну да я решила: ты начала курить. Сама знаешь, я относись к этому резко отрицательно. Взяла реферат у Диляры? И где же он?

– Её дома не оказалось. Ничего, она принесёт в школу. Но я замечательно прогулялась по снегу. Там такая красотища! – Алёна подумала: на сегодня план по вранью перевыполнила.

Марианна Авдеевна провела ладонями по лицу, будто пы-

талась стереть тревогу и волнение.

– Ладно, солнышко. Что-то я устала, пойду прилягу, а ты долго не сиди за уроками, всех пятёрок не заработаешь.

«Я вру. Мама врёт. Что ещё она от меня скрывает?»

На следующий день в классе Алёну ждал неприятный сюрприз. Диляра пересела на другую парту. Алёна не подозревала, насколько это будет обидно, ведь она пыталась спасти подругу, пусть и насильно. Едва дождавшись перемены, подошла к Диляре.

– Извини, но я хотела как лучше. Разве оказалась не права?

Чёрные глаза Диляры излучали такую ненависть, что Алёна поёжилась.

– Ты предательница! Никогда не прощу тебя за то, что ты сделала!

Одноклассники впервые узнали: тихая татарка умеет повышать голос. Все вокруг с любопытством стали прислушиваться к разговору. Диляра понизила голос.

– Отец с братьями подстерегли Али и затащили в дом, а я из-за твоего доноса не могла предупредить его. Меня заперли в спальне. – Диляра сглотнула слюну и шумно задышала, пытаясь не разреветься. – Они ударили его несколько раз, а меня заставили смотреть на это. Я видела, как кровь течёт по его лицу. Ему было так больно! А всё ты. Али так глядел на меня. Он решил: я выдала его.

Алёна, понимая, сейчас она не станет слушать её доводы, только вздохнула. Диляра сжала кулаки.

– Ты больше для меня не существуешь. С предателями я не дружу

– Но ведь он тебя обманывал, – не выдержала обвинений Алёна.

– Он любил меня, а ты всё испортила. Не хочу больше с тобой разговаривать, – тихая воспитанная Диляра прошипела: – Сука.

Алёна отшатнулась.

Большую часть разговора одноклассники не слышали и терялись в догадках. Что же они не поделили? Юля Панова, не ожидавшая такого подарка от Диляры, обрадовалась:

– Что, Мышинская даже единственную подружку доконала. Вот теперь ты точно одна осталась.

Алёна вернулась на своё место, равнодушный вид давался с трудом.

– Я говорила: мне никто не нужен. Теперь окончательно это поняла.

Маша Данилова хихикнула, потом с ехидцей добавила:

– Поправочка. Это ты никому не нужна. Лишний элемент в классе.

Бледная кожа на лице Алёны сделалась совсем прозрачной, будто отхлынула вся кровь.

– У тебя своё мнение бывает? Или ты умеешь только за Пановой повторять? Значит, и расплачиваться будете вме-

сте. Я не забыла про стёкла.

Маша вытаращила глаза, бросила взгляд на Юлю, словно ждала от неё команды – фас!

– Она нам угрожает? Мы это уже не раз слышали. Жуть как страшно.

Оля Садовникова поддержала подруг.

– Одна болтовня, Мышинская. Или ты драться с нами собралась? Тебе по росту только Машка подходит, но она, если ты забыла, борьбой занимается. Быстро тебе навешает.

Маша засмеялась. За последние полгода трое девочек из тусовки Юли обогнали в росте даже мальчишек одноклассников. В отличие от щуплой Алёны невысокая Маша, имея широкую, крепкую кость, стала сильной.

– Ага. Сила есть ума не надо, – хмыкнула Алёна, намекая на плохие оценки Даниловой. – Я с вами драться не собираюсь. По-другому разберусь.

Прозвенел звонок на урок. Юля показала Алёне средний палец.

– Ждём, не дождёмся.

В этот день Алёна толком не слышала учителей. Обида на Диляру разъедала душу словно кислота.

«Я была совершенно права, когда решила, что мне никто не нужен. Больше никогда и ни с кем не буду дружить»

Глава 4

Вернувшись из школы, Алёна быстро поела, до прихода матери с работы оставалось два часа. Обычно, не давая себе расслабляться, она сразу садилась за уроки. Но сегодня у неё другие планы. Алёна, убрав прикроватный коврик, освободила пространство посреди комнаты. Скрестив ноги, села на пол и закрыла глаза. Сначала из-за тревожных мыслей ей не удавалось сосредоточиться, но потом она почувствовала, как тяжелеют руки и ноги. Открыв глаза, устремила взгляд на вишню, тяжело качающуюся заснеженными ветвями. Дождалась, когда ветви в снегу замельтешили перед глазами, поднялась на непослушные ноги. Вскоре метель из светящихся точек закружила вокруг неё, Алёна сделала шаг. Уже знакомый звук хлопка возвестил: переход удался. Видимо, она снова попала на Тарию вечером. Солнце почти скрылось за вершины гор, сине-розовые сумерки окрасили валуны и траву в изысканный цвет. Алёна огляделась в поисках Неркана, коснулась камня рядом с собой, надеясь, что это живое существо. Пальцы ощутили твёрдую холодную поверхность. Вокруг, не считая шелеста листьев, стояла тишина.

– Ау, Неркан!

– Я здесь, – услышала она ответ на свой призыв. – Заду-

мался. Решал интересную математическую задачу. Справа от неё зашевелилась высокая трава, из неё высунулась сначала круглая голова, а потом неровное туловище.

– Тут есть ещё кто-нибудь живой? – Алёна потыкала пальцем в твёрдую поверхность рядом с собой. – Это настоящий камень или...

Неркан, медленно перебирая тонкими кривыми ножками, приблизился к ней.

– Или. Это место что-то вроде ваших песчаных пляжей. Здесь, скажем так, тарийцы отдыхали.

Алёна посмотрела тарийца, почти выросшего в местную землю.

– Этот явно слишком давно тут отдыхает. Твёрдый и холодный, совсем, как настоящий камень. Может, он умер?

Неркану явно тяжело давалось стояние, он опустил туловище на траву.

– Тысяча пятьдесят четвёртый жив, просто находится в глубоком анабиозе.

– Как лягушки зимой?

– Глубже. В таком состоянии он может находиться бесконечно долго. Это одна из наших способностей, – в голосе Неркана звучала гордость.

Алёна поёжилась. Ужас. На долгие годы превратиться в неподвижный объект и лежать, зарастая травой.

– А зачем он так сделал? У вас есть дома? Или все жители Тарии валяются на земле, будто куски скал?

Неркан возмущённо забулькал, Алёна не разобрала ни единого слова.

– Не поняла, что ты сказал?

– Ты как представитель отсталой Земли не понимаешь высших достижений нашей цивилизации. Мы совершенно ни в чём не нуждаемся, ни от чего не зависим. Мы прошли все стадии технического развития и достигли высшей точки. Наши города и техника давно рассыпались в пыль за ненадобностью. Планета очистилась и вернулась к истинному облику. Нам не нужна одежда и дома, чтобы согреться или охлаждать тела. Не требуется техника для перемещения, мы в любом месте подключаемся к информационному полю планеты. И не только своей, но и ближайшего параллельного измерения. Имея в запасе тысячи лет жизни, нам не нужно спешить. Капсулой сознания каждый житель Тарии может перемещаться в любую часть своей планеты. А тот, кто достиг высшей точки развития, способен мысленно создать собственный мир.

Алёна пожала плечами.

– Как я поняла: тот, кто тут лежит холодным булыжником, достиг высшей точки развития и сейчас создаёт новый мир.

– Правильно.

– Выглядит жутковато.

– Твой неразвитый ум пока не способен осознать.

– Если Тария похожа на Землю, значит, у вас похожие созвездия. Вы летали на них?

– Да. На заре нашей цивилизации.

– Нашли других инопланетян?

Неркан поднял круглую голову к небу.

– Все планеты солнечной системы безжизненны. Но в одном из созвездий Большой Медведицы есть планета Мицар, вот на ней мы и обнаружили развитую цивилизацию. На нашем языке они носят другие имена, я назвал по земному, чтобы тебе было понятнее. На Мицар мылящие существа как раз достигли высшей точки развития, как мы сейчас. Но тогда мы не поняли их, совсем как ты нас. Полная гармония и слияние с собственной планетой на ментальном, информационном и физическом уровне – высшая точка развития цивилизации.

Алёна задумалась.

– А как вы стали такими?

Ей показалось, в странных глазах Неркан промелькнуло смущение.

– Были ошибки. Мы почти погубили планету, но смогли выжить. Внешний облик – заслуга биоинженеров и... радиации. Но всё это в прошлом.

Алена пригляделась к нему. Глаза инопланетянина стали серыми.

– А почему ты другой? Не впадаешь в анабиоз и не творишь свой мир?

– Видимо, я ещё слишком молод, мне интересны любые проявления жизни. Мы слишком заговорились с тобой. Ты

не потеряла маячок?

Алёна протянула ему белую коробочку. Неркан бережно принял её, коснулся ею одного из своих запястий. На глазах изумлённой девочки, по поверхности коробочки забежали разноцветные огоньки, потом они погасли.

– Спасибо. Столько эмоций и какие сильные, – произнёс он довольным голосом, возвращая маячок. Позже я наслажусь ими.

– Прибор записывал мои эмоции?

– Не только твои. Все эмоционально-психические волны в радиусе пяти метров. Я же говорил: мы полезны друг другу. Мне неоткуда взять эмоции. Я могу видеть, подключаясь к земным устройствам, как их испытывают другие, но сам не способен. Печально сознавать, но я отклонение, атавизм, ошибка, раз пока не могу как все тарийцы стремиться к совершенству. Ты тоже ошибка, атавизм. Помогла своей подруге?

Алёна печально вздохнула:

– Почему я атавизм?

Неркан выпучил и без того круглые глаза.

– Обязательно объясню. Потом. Мне нравится с тобой беседовать, я чувствую себя ожившим, но твоё время пребывания здесь истекает. Чем тебе ещё помочь?

– Одна помощь мне уже вышла боком. Теперь Диляра на меня злится.

– Без последствий не бывает. Если тебе ничего не нужно,

отправляйся назад. Приходи как-нибудь ещё, буду ждать.

Алёна вспомнила о своём обещании отомстить банде Платовой.

– А нет. Есть одно дело. Мне нужна подсказка. Я хочу наказать своих врагов, но не знаю как. Хорошо бы их сильно напугать.

Неркан погладил запястье. Его глаза сменили цвет: из серых стали голубыми.

– Назови имена своих врагов, и я узнаю, чего они боятся больше всего.

– Как? Поищешь на открытых сайтах?

– На закрытых тоже. Если что-то попало в информационные сети остаётся там навсегда – Пальцы Неркан зашевелились в воздухе.

– Что ты делаешь? А где же экран?

– Прошлый раз я визуализировал его только для тебя, мне это не нужно. Моё зрение на несколько порядков лучше обычного человеческого, я могу видеть в большем диапазоне, чем ты. Есть, нашёл. Три девочки посещали психолога, Платова Юля очень боится змей, София Елизарова обычных тараканов, а Маша Данилова терпеть не может голубей. Та-а-ак Ольга Садовникова даже лечилась у невролога, она плохо переносит темноту и спит с включённым ночником. А ты оказывается, не любишь находиться в толпе.

Алёна хмыкнула:

– Понятно, ты залез в компьютер школьного психолога.

Помню, как она допытывалась, что беспокоит меня больше всего. Как чувствовала: нельзя отвечать правду. И чем эти сведения мне помогут?

У Неркана на одной из ладоней появилась ещё одна коробочка на этот раз чёрного цвета. Поверхность прибора загорелась, пальцы тарийца заскользили по узорам.

– Я запрограммировал голограф, – объяснил Неркан, нажимая на красный зигзаз у края коробочки.

В метре от Алёны из травы подняла голову жуткого вида кобра, она высунула раздвоенный язык и зашипела.

– Мамочки! – испугалась Алёна и отскочила подальше от змеи.

Земноводное поползло по камню в сторону девочки.

– Убери её, убери!

Змея растаяла в воздухе.

– Не бойся – это всего лишь голограмма. Ты тоже не любишь змей?

– Их многие не любят.

– Нажмёшь вот здесь, появится меню с картинками, выберешь нужную позицию. Голограммы отключаются вот здесь, – Неркан дотронулся до квадрата в середине прибора. Действие голографа в радиусе десяти метров, тебе придётся быть неподалёку от тех, кого хочешь напугать. Для Садовниковой сама выберешь что-нибудь.

Алёна взяла коробочку, нажала на картинку со змеей. Снова возникла мерзкая кобра.

– Принцип поняла. А откуда у тебя эти приборы, если у вас всё давно исчезло.

– Эти приборы когда-то существовали у нас, – переменчивые глаза Неркана дважды поменяли цвет. – Я их просто воссоздал. Торопись, там на твоей земле уже прошло больше трёх часов.

– Ой, скоро мама вернётся домой. Мне нужно спешить.

– Не потеряй маяк, – напомнил Неркан и помахал сразу обеими руками.

Алёна помахала в ответ и скрылась в светящемся овале.

Дома она тщательно отряхнула одежду, вытерла пол в центре комнаты от тонкого слоя серого налёта, похожего на пепел. И вовремя. Хлопнула входная дверь, послышался голос матери.

– Я дома. Алёнушка, поставь чайник на плиту, я по пути купила пиццу.

Алёна скривилась, она терпеть не могла, когда мама называла её так. Быстро постелила ковёр на место и отправилась на кухню.

– Как дела в школе? – Марианна Авдеевна с наслаждением сделала глоток горячего чая.

– Нормально, – Алёна откусила кусочек пиццы и вспомнила, что сегодня ещё не делала уроки. О них она попросту забыла.

– Завтра я немного задержусь – ужинай сама.

– Ладно.

Раз или два в неделю мать приходила домой позже. После этих задержек какое-то она время находилась в прекрасном настроении и даже забывала подробно расспрашивать о прошедшем дне в школе.

– Нормально – это никак. Что проходили? Тебя спрашивали?

Алёна вздохнула, придётся рассказать, иначе мать не отстанет. Она уже давно к обычному рассказу добавляла выдуманные истории. Не говорить же правду, что сидит за партой одна и толком ни с кем не общается.

– Я не закончила уроки, – Алёна торопливо свернула повествование о прошедшем дне.

– Только не сиди допоздна. Я уже не раз тебе говорила, выбери те предметы, которые тебе пригодятся в будущем и налегай на них. Ты надорвёшься, пытаешься выучить на пятёрку все задания. Это ещё никому не удавалось. Ну разве что гению, а ты у меня умница, но не гений.

Алёна допила чай, отряхнула с рук крошки пищи.

– И уступить Платовой. Ещё чего.

– Так ты стараешься из-за неё?

– Какая разница из-за чего?

– Есть разница. Учиться ради знаний для себя или из желания доказать кому-то.

Алёна насупилась. «Ну теперь начнётся. Лекция на полчаса»

– Да я просто так сказала. Конечно, ради знаний. Я пойду,

ладно?

С уроками на этот раз она покончила быстро. Не стараясь, написала короткое сочинение, лишь просмотрела параграфы по истории и географии, сделала задачи по алгебре. На следующий день в школе она вся изнервничалась, впервые опасаясь вызова к доске. Думала о том, как будет радоваться её неподготовленности банда Пановой. Она не желала доставлять им такое удовольствие. Алёна даже забыла о своей обиде на Диляру.

Исполнение плана мести она решила отложить на более подходящее время. Алёна достала голограф, покрутила в руках и сунула обратно в сумку.

Вечером на занятии в театральной студии еле высидела два часа прогона нового спектакля.

«Зачем вообще сюда хожу? Мне совсем не нравится это», – мучилась Алёна, слушая, с каким пафосом произносит текст Соня Елизарова.

– Мышинская, чего такая кислая? Не можешь успокоиться, что не досталась роль Ларисы, – прошипела Платова.

Алёна только хмыкнула. Даже в фильме Михалкова бесприданница Островского тёмненькая. Елизарова, будучи жгучей брюнеткой и, если честно признаться, красавицей, идеально подходила на эту роль.

– Чего язык проглотила? Признай, на этот раз мы обставили тебя.

Алёна покосилась на слегка выпуклые голубые глаза Юли,

немного нескладное длинное тело.

– Говорят, ты боишься змей.

Юля приоткрыла рот, влажно блеснули крупные зубы.

– А причём здесь это?

Алёна усмехнулась.

– Да так захотелось, посмотреть, как ты пищишь от страха.

– Ага, щас. Так я и доставила тебе удовольствие.

– Ты уж постарайся.

Алёна не собиралась пугать Платову прямо в театральной студии, но уж очень нудным показалось сегодняшнее занятие. Ещё дома она потренировалась, направлять невидимый луч голограммы в нужное место. Она незаметно вытащила чёрную коробочку из сумки, включила голограф – изображение королевской кобры возникло рядом со стулом Юли. Змея зашипела, капюшон раздулся, узкая голова повернулась к Платовой.

– Ой, мамочки! – завопила Юля, вскакивая на стул.

Кобру заметили и Оля с Машей, сидящие рядом со своей предводительницей. Садовникова несмотря на свой рост ловко отпрыгнула в сторону, а кругленькая полная Данилова затряслась, словно студень на блюде.

– По-по-помогите! Тут змея, – заикаясь выпалила Юля, беспомощно закрываясь руками от пресмыкающегося.

Алёна выключила голограф. Кобра растаяла в воздухе. Выглядело это так, будто змея опустила голову и быстро скользнула под стул.

Илья Константинович бросил на стол распечатанный текст и бросился к Юле, взобравшейся на стул с ногами.

– Тебе плохо?

– Илья Константинович, – первой пришла в себя Садовникова. Оля легко могла приспособиться к любой компании. У неё одной из всей четвёрки Пановой были друзья из других классов, она ухитрялась сохранять хорошие отношения со всеми одноклассниками, исключая лишь Алёну, – в студии ядовитая кобра.

– Не понял? Какая кобра? – он быстро огляделся по сторонам.

– Её Мышинская принесла. Выпустила прямо на меня, – дрожащим голосом произнесла Платова.

Маша перестала трястись, закрыла глаза и обмякла на стуле. Илья Константинович бросился к ней.

– Данилова, – позвал он, приподнимая ученице голову. – Она без сознания. Кто там ближе к двери, сбегайте за медсестрой. – Руководитель студии похлопал Машу по щекам. – Данилова, очнись.

– Илья Константинович, осторожнее. Здесь где-то под стульями кобра ползает, – напредила Садовникова, мелкими шажками передвигаясь к выходу.

Маша открыла глаза.

– Змея ещё здесь?

– Кто такая Мышинская? – с недоумением поинтересовался Илья Константинович. – И откуда взялась кобра?

– Мышинская – это наша Донская-Лазарева. Я же вам говорю: она выпустила змею. Вот пусть и убирает её отсюда, – процедила Юля. Она уже пришла в себя и теперь с ненавистью смотрела на ухмыляющееся лицо Алёны.

– Это правда? – Илья Константинович поправил очки и с недоверием уставился на ученицу.

– Неужели вы верите их выдумкам. Никакой кобры не существует. У меня с собой лишь пакет с тетрадкой. Вот он. Вы представляете, сколько весит королевская кобра? Куда бы я засунула её? Понадобился бы большой рюкзак. Лучше спросите девочек, какие таблетки они употребляют, раз им змея привиделась.

– Ну ты и сволочь, Мышинская! – завопила Платова. – Сама же спросила, боюсь ли я змей. А потом эта кобра вылезла из-под стула.

– Платова, прекрати обзывать. В моей студии такое поведение неприемлемо. Алёна, ты говоришь правду? И никаких змей сюда не приносила?

Алёна, глядя в глаза Платовой, чётко выговаривая каждое слово, ответила:

– Я не приносила сюда ни живых змей, ни мёртвых. А если у Юли и её подружек галлюцинации, то им пора к врачу.

Неожиданно на сторону Алёны встал Саша Арно.

– Я случайно обратил внимание, с каким пакетом пришла Мыш...Донская-Лазарева. В нём точно не могла находиться змея.

– Кому тут плохо? – запыхавшаяся медсестра забежала в студию.

Ей показали на Машу.

– Мне уже лучше. Просто я сильно испугалась, – прошептала Данилова.

– Ольга Ивановна, осмотрите повнимательнее девочек, – заявил Илья Константинович, называя четвёрку Платовой по фамильно. Потом повернулся к остальным ученикам. – На сегодня занятия окончены. – А с вами... – он бросил взгляд на Юлю и Машу. – Мы побеседуем в кабинете медсестры.

– Это несправедливо! – возмутилась Соня. – Я тут ни при чём. Стояла на сцене и змею не видела.

Илья Константинович махнул рукой.

– Можешь идти.

Маша насупилась.

– А я, правда, видела гадюку. Она шипела и чуть не кинулась на Юлю. А ты, Сонька, бросаешь нас? Тоже мне подруга.

Елизарова вздохнула.

– А чем я вам помогу. Я же ничего не видела.

***

Почти неделю в школе обсуждали происшествие в театральной студии. Над Платовой и подружками подшучивали: «Эй, Юлька, смотри, змея ползёт. Маша, только в обморок

не падай, Мышинская специально для тебя в школу питона приволокла. Девочки, поделитесь секретом, что вы курили?»

Юля с ненавистью косилась на Алёну, вынашивая планы мести. Она уверила себя, коварная соперница как-то ухитрилась заранее пронести змею в студию, а потом напугала их. Её жгла обида: им не верили, над ними смеялись. Оля Садовникова особенно тяжело переносила насмешки. На занятиях по физкультуре Алёна обошла её на дистанции сто метров на целых три секунды. Оля восприняла это как личное поражение, поэтому она не удержалась и быстро подставила Алёне ножку, когда та пробежала мимо. Алёна со всего размаха упала на обледенелую дорожку, порвала спортивные брюки и ободрала колени. Она не стала никому жаловаться, доковыляла до своих врагинь и тихо процедила:

– Угадайте, кто следующий будет трястись от страха?

Оля поёжилась, глядя на разбитые колени Алёны, выглядывающие в дыры на штанах. Она уже жалела о поступке. Одно дело подкладывать кнопки, портить учебники, или подсовывать отвратительные записки, другое – калечить до крови.

– Ты угрожаешь мне?

– Точно.

Алёна не стала откладывать месть на потом. Этим же вечером, заявив матери, что решила пробежаться перед сном, отправилась к дому Оли. Садовниковы жили в двухэтажном

коттедже, стоящем на тихой зелёной улочке. Алёна ни разу не была в этом доме и понятия не имела, где комната Ольги. Она стояла у красивого забора из витых прутьев, украшенных железными лилиями, и долго рассматривала дом, чувствуя себя преступницей. На её счастье в окне на первом этаже появился силуэт одноклассницы. Алёна прикинула от забора до окна не больше двенадцати метров. Слепив небольшой снежок, запустила в оконное стекло. Как только Ольга раздвинула шторы, включила голограмму. Подъезд и дорожку к дому освещали матовые фонари, их рассеянный свет падал и на палисадник перед окнами. По нетронутому снегу к дому двинулся жуткий полуразложившийся труп. Алёна видела, одноклассница припала к стеклу, пытаясь разглядеть ночного гостя. Она не слышала крика Ольги, заметила лишь её распахнутый рот и перекошенное от страха лицо. Алёна сама испугалась страшной голограммы, когда попробовала дома включить изображение зомби, и сейчас догадывалась, какая ужасная картина предстала перед глазами одноклассницы. Хлопнула входная дверь, на улицу выскочил отец Оли. Алёна выключила голограмму и едва успела спрятаться за кирпичный столб. Садовников пробежался по заснеженному палисаднику, зацепился пижамными штанами за припорошенный куст розы. Чертыхнулся.

– Оля закрой окно, а то простудишься. Снег нигде нетронут. Здесь никого нет. Доченька, тебе показалось.

Алёна осторожно выглянула из-за столба. Ольга приот-

крыла фрамугу и настороженно следила за отцом.

– Но я точно видела, – слышался её дрожащий голос.

– Нужно меньше ужастиков на ночь смотреть. Тогда не станет мерещиться всякая дребедень, – проворчал Садовников и направился к входной двери.

Алёна подождала, когда он скроется в доме и снова нажала на кнопку голограммы. Мертвец опять зашагал к дому. Тотчас раздался душераздирающий крик Ольги, ещё торчащей у окна. Алёна выждала пару секунд и щёлкнула кнопкой. В комнате появился отец Ольги, обнял трясущуюся от страха дочь. Слышался звук закрываемого окна, Алёна отступила в темноту и поспешила прочь от дома Садовниковых. Она ощущала злорадное удовлетворение, ещё один враг наказан. В глубине души закопошился червь сомнения, а не слишком ли жестоко она поступила, но Алёна быстро подавила его.

В школе Оля появилась бледная, с тёмными кругами под глазами. Все перемены подружки шептались, поглядывая в сторону Алёны. Та не утерпела и на одной из перемен с напускным сочувствием поинтересовалась у Садовниковой:

– Как тебе ночной гость? Красавец, правда?

У Оли расширились глаза.

– Как ты это сделала? Он настоящий?

Алёна приложила палец к губам.

– Т-с-с-с! Не поминай мертвецов всуе. А то они и днём начнут приходить.

Ольга с напускной бравадой выдохнула.

– Я совсем не испугалась.

– Тогда я пошлю к тебе ещё парочку. Неподалёку от вас кладбище, свеженьких покойников там много. Жди в гости.

Садовникова побледнела:

– Не надо. Пожалуйста, не надо!

Платова схватила Алёну за руку.

– Я не знаю, что происходит, но узнаю. И тогда тебе не поздоровится. Прекрати издеваться над Олей.

Алёна показала на раны, которые виднелись через прозрачные колготки.

– Кто над кем издевается? Думали, это ей с рук сойдёт? – она повернулась к Маше. – Ты следующая.

Пухлые щёки Маши затряслись.

– Я учительнице расскажу.

– Говори. Только кто тебе поверит. Змею помните?

Платова закусил губу. После происшествия в студии над ними подшучивали до сих пор.

На последнем уроке по химии Алёна решала задачу у доски. Как всегда получив пять, она отправилась на своё место. Проходя мимо стола Маши Даниловой, ощутила, как та дёрнула её за юбку. Алёна вернулась к своему месту, незаметно оглядела себя. Кажется всё в порядке. После окончания занятий, сложила учебники в сумку и тут заметила: в классе осталась лишь четвёрка Платовой. Они с ожиданием смотрела на неё. Алёна попыталась встать, юбка потянула назад.

Оказалось, она приклеилась к стулу. Большой кусок жевательной резинки расползся по ткани и поверхности стула. Алёна отодрала юбку от стула и услышала смех. Одноклассницы злорадно веселились, глядя, как она осматривает безнадёжно испорченную одежду.

– Два-два. Ничья Мышинская, – процедила Платова. – Всё ещё хочешь с ними состязаться?

Алёна спокойно посмотрела на врагинь, Маша складывала в сумку тетради.

– Прямо сейчас будет три-два. – Зажав в руке голограф, она незаметно направила его на сумку Маши. Другой рукой картинно махнула в сторону Даниловой и громко произнесла: – Со всей школы призываю вас сюда.

Из сумки Маши полезли крупные тараканы рыжие, чёрные и необычного цвета белёсые. Она взвизгнула и бросила её на пол. Девочки разбежались в разные стороны подальше от школьной сумки. Алёна сфокусировала голограф, чтобы снова казалось, будто насекомые лезут из сумки.

– Прекрати! Прекрати! – завизжала Маша. Потом вдруг резко смолкла и ничком упала под стол.

Платова охнула:

– У Машки обморок.

Пока все смотрели на Данилову, Алёна выключила голограф.

Соня бросила на неё испуганный взгляд и пробормотала:

– Сволочь ты, Мышинская. У Маши врождённый порок

сердца, она может умереть.

Алёна похолодела.

– Я не знала.

– Убери своих тараканов, нужно позвать медсестру.

Алёна попыталась сделать независимый вид.

– Их уже нет.

Девочки недоверчиво осмотрели пол рядом с лежащей сумкой, не решаясь прикоснуться к ней. Алёна взяла сумку в руки, вытряхнула из неё тетради и учебники.

– Не тряситесь. Ничего нет. – Присела на корточки возле лежащей Маши, похлопал по щекам. – Эй, Данилова, тараканы убежали.

Маша приоткрыла глаза, дёрнулась всем телом, заметив Алёну рядом с собой. Та подняла её и посадила, прислонив спиной к ножке стола.

– Живая. Да ты просто трусиха, Данилова. Как жвачки к юбке лепить, туфли воровать и стёкла подкладывать – ты храбрая, а как тараканов увидела, в обморок грохнулась.

– Они ещё там? – прошептала Маша.

– Не дрейф, я их уничтожила. Всех.

– Почему они тебя слушаются? Ты ведьма?

Алёна обрадовалась подсказке и невольному объяснению всех происшествий. По телевизору показывали столько чудиков, называющих себя магами и колдунами, что некоторые верили в их существование.

– Наконец-то догадались. Ведьма! И вам больше не стоит

связываться со мной.

Платова протянула недоверчиво.

– И как давно ты стала ею?

– Недавно. Можно сказать, ваша компания помогла мне превратиться в ведьму. Ещё хотите соревноваться? – Алёна сняла с вешалки куртку, забрала свою сумку. – По-моему, Машка пришла в себя, медсестра не понадобилась. Пока, неудачницы.

– Я тебе не верю, – крикнула ей вслед Соня Елизарова. – Должно быть другое объяснение.

Алёна остановилась на пороге класса.

– Ах да. Я забыла о тебе. Хочешь проверить меня. Жди.

Маша дёрнула Соню за рукав.

– Не надо её злить.

– Да пошла она! Думает, мы испугались каких-то тараканов.

Маша добавила:

– И змей. И зомби. Мне и тараканов достаточно.

Алёна вышла из школы. Зима в этом году радовала: мороз небольшой, погода тихая, безветренная. С бледно-голубого неба снова сыпал снежок, продолжая добавлять высоту сугробам. Алёне вдруг захотелось покончить со всеми угрозами одноклассникам сегодня. Поставить точку. Она спряталась за ель, стоящую у ступеней школы. Ждать пришлось недолго. Первой из двери вышла Платова, она быстро сбежала по ступеням, за ней появилась Оля Садовникова, дер-

жащая под руку Машу, последней – Соня. Алёна не ожидала такой удачи. Велизарова задержалась на крыльце, поймала на ладонь летящую снежинку.

– Девочки, как красиво. Так не хочется идти домой.

Алёну на одну минуту взяло сомнение. Может, не стоит портить Соне настроение, но она одёрнула себя: нечего жалеть. Нажала на кнопку, направляя луч голографа чуть выше головы Велизаровой. Алёне показалось, откуда-то из-под крыши крыльца выпорхнула стая голубей и закружилась над головой Сони. В общем-то это выглядело совсем нестрашно и даже красиво. Но Соня дико закричала и стала махать руками. Она забегала по крыльцу зигзагами, споткнулась и покатилась по ступенькам вниз. Алёна выключила голограф и замерла за елью. Девочки подняли рыдающую Соню, отряхнули с пальто снег.

– Всё! Всё. Голуби улетели, – ласково произнесла Юля, вытирая носовым платком лицо Сони.

– Говорила, не надо её злить, – пробормотала Маша. – Она точно ведьма. Я её боюсь.

– А давайте всем расскажем, как она с нами поступила, – предложила Оля.

– Кто нам поверит? – проворчала Платова.

Маша показала на школьников, стоящих у ворот школы.

– По-моему, они видели, как голуби напали на Соню. Они смотрели в нашу сторону.

Юля пожала плечами.

– А как мы докажем, что это Мышинская их натравила. Оля заглянула Соне в лицо.

– Я не знала, что ты боишься голубей. Что в них страшного?

Соня вздохнула.

– Когда я была маленькая, у бабушки в деревне кормила кур. На зерно слетелись голуби. Один клюнул меня прямо в глаз. С тех пор ничего не могу с собой поделывать, жутко боюсь голубей. Знаю, это глупо, но боюсь.

– А откуда Мышь об этом узнала? – удивилась Платова.

Маша поёжилась:

– Я же говорю: она ведьма. Ну её к чёрту. Давайте больше не будем её трогать.

– И получится, что она одна справилась со всеми нами, – возмутилась Юля. – Мы что-нибудь придумаем.

Алёна выждала, когда одноклассницы отошли на достаточное расстояние и не могли её видеть, выбралась на очищенную тропинку. Она испытывала целую гамму чувств: удовлетворение от исполнения намеченного, злорадство, растерянность и недовольство собой.

– Как ты позвала голубей и заставила их напасть на Соню?

Алёна оглянулась. Неподалёку от ели, за которой она пряталась, стоял Саша Арно.

«Что он успел разглядеть?» – забеспокоилась Алёна.

– Можешь не врать. Я следил за тобой. Тогда в театральной студии я не видел змеи, но Платова просто так орать не

стала бы. Юлька не трусиха. Когда сегодня все ушли, а вы остались в классе, я решил постоять за дверь. И приблизительно знаю, что произошло. Как ты подложила тараканов Машке в сумку, могу понять. Сам однажды лягушку Макееву в рюкзак засунул, но голуби. Почему они слушались тебя?

Алёна посмотрела в глаза Арно. В них горело любопытство, но ощущалась и растерянность. Она вспомнила спектакли: Саша всегда здорово играл в паре с ней, изображая чувства. Досада от его умелого притворства почему-то ранила и доводила до тихого бешенства.

– Версия с ведьмой тебе не нравится?

Саша скривился.

– Бабушкины сказки.

– А у меня другой нет.

– Не хочешь говорить правду. Думаю, ты выдрессировала голубей, они по твоему знаку прилетели к школе. Тебе не кажется, что пора заканчивать с вашей враждой. А если бы сегодня Соня, падая с порожек, поломала руку? Или голову свернула. Ты бы почувствовала себя виноватой? Ваши игры стали опасными.

Алёна разозлилась.

– Это ты им скажи. Они начали приставать ко мне с первого класса. Меня, получается не жалко? А если я бы ногу сломала, когда Оля подножку сделала.

В глазах Арно мелькнуло сочувствие.

– Про это я и говорю. Всё стало слишком серьёзно, пора

прекращать.

– То есть я должна первой прекратить? А они?

Саша пожал плечами.

– Я не собираюсь сдаваться, – процедила Алёна.

– Ты же считаешь себя умной. А поведение, как у дуры или ненормальной злюки.

Алёна покосилась на красивое лицо одноклассника и вдруг ощутила к нему такую жгучую ненависть и обиду, что даже задохнулась.

– Иди-ка ты Саша... знаешь куда? Платову с подружками пожалел. А меня кто пожалеет. Это из-за тебя меня Мышинской дразнят. Никогда тебе этого не прощу.

Саша вздохнул.

– Ты тогда себя так повела... Но мне жаль... Поверь.

Алёна приблизилась к нему и тихо произнесла:

– Я узнаю, чего ты боишься. Вот тогда тебе будет по-настоящему жаль.

– Я не девочка и тараканов не испугаюсь, – хмыкнул Саша. – Можешь не угрожать. Как я и думал, ты просто вредна.

Алёну почему-то больно кольнуло разочарование, проступившее на его лице. Она сжала кулаки.

– Посмотрим.

Глава 5

Алёна заметила, в последнее время мать стала задумчивой, привычный отчёт о школе слушала рассеянно. Она наугад несколько раз повторила одно и то же предложение, но мать не обратила на это внимания.

– Я рада, что в школе у тебя всё замечательно.

Алёна усмехнулась и подумала: «Замечательнее некуда».

Марианна Авдеевна, опустив голову, долго смотрела в тарелку, словно пыталась там что-то разглядеть. Алёна впервые обратила внимание: корни волос у матери ярко рыжие. А она всегда думала: мама, как и она, природная блондинка и цвет волос у них одинаковый.

– Я давно не видела у нас в гостях Диляру, – вдруг поинтересовалась мать.

Алёна замешкалась лишь на пару секунд.

– Помогает сестре. У той скоро свадьба. Сама понимаешь: примерка платья, выбор туфель, украшений.

– Ну да, ну да. А ты не могла бы переночевать у них? Или Диляра у нас?

Алёна едва сдержала удивлённый возглас.

– А зачем?

– Я не могу оставить тебя на ночь без присмотра. Понимаешь, наш завод открывает филиал в посёлке за городом.

Начальник попросил поехать с ним и ещё раз просмотреть документацию. Ты уже большая девочка, но одна дома ни разу не оставалась.

– Раз нужно, поезжай, я попрошу Диляру эту ночь провести у нас, – не моргнув глазом, внутренне ликуя, соврала Алёна.

Уже больше десяти дней ей не удавалось попасть на Тарию и повидаться с Нерканом. К приходу матери с работы она едва успевала сделать уроки, о перемещении в параллельное измерение не могло быть и речи. В классе с четвёркой Платовой установилось временное перемирие, девочки явно готовили какую-то каверзу. А она ломала голову, как наказать Сашу Арно. Тот ежедневно с ехидцей интересовался:

– Ну что, липовая колдунья, сварила зелье издохлых мышей? Сегодня на метле летала?

Алёна уже жалела, что назвала себя ведьмой, одноклассники всю подшучивали над ней, переключившись с Платовой. Они не видели ни тараканов, ни голубей, о которых им поведали подруги Юли и принимали всё за выдумку девочек. В школе шептались за спиной Алёны, получилось: она сама сделала себя посмешищем. Как исправить сложившуюся ситуацию Алёна не знала и только огрызалась. Понимала, всех болтунов запугать не получится.

– Только не сидите допоздна, – предупредила Марианна Авдеевна и принялась убирать со стола, – завтра будний день и вам нужно в школу. Надеюсь, ты меня не подведёшь, и я

могу не волноваться.

– Не переживай, на дискотеку не сбегу, курить не начну, – ухмыльнулась Алёна.

– За это я не переживаю. А кстати, почему ты не ходишь на школьные дискотеки? Я в твои годы уже ходила.

– С меня хватает театрального кружка. Мы там иногда изображаем танцы.

– И в кого ты у меня такая закрытая. Друзей у тебя почти нет, по-настоящему ничем не увлекаешься.

Алёна промолчала.

После уроков она не осталась на занятия по изобразительному искусству, пожаловалась руководителю на головную боль. Он отпустил, не колеблясь. Художник из неё не получился, если бы она совсем бросила рисовать, студия с её уходом ничего не потеряла бы. Алёна училась рисунку только из чувства противоречия. Как же, Юля с подружками занимается, чем она хуже их. Но сегодня не помогала и всегдашняя упёртость, желания мазать красками холст отсутствовало напрочь.

Алёна допивала чай, с удивлением наблюдая из кухни за сборами матери. Она вынесла в прихожую довольно увесистую сумку, словно собиралась отсутствовать не одну ночь, а как минимум неделю.

– Мне понадобится халат и ночная рубашка, – пробормотала мать, заметив полный любопытства взгляд дочери.

Алёна кивнула, чуть удивившись, как много места в сумке

заняли эти две вещи.

– Я к себе. Ещё не прочитала текст по литературе.

Марианна Авдеевна обняла поднявшуюся со стула дочь.

– Будь умницей. Ведите себя хорошо. К следующему вечеру я вернусь.

Алёна вытерпела объятия и поцелуи в обе щеки.

– Удачи мам.

Как только щёлкнул замок входной двери, Алёна помчалась в спальню. Она уже привычно освободила пол посреди комнаты от коврика, и, отключив телефон, уселась в позу лотоса. Прошло пять-десять минут, время текло, как обычно, перед глазами ничто не убыстрялось. Алёна перевела взгляд в окно, стояла тихая безветренная погода, ветви на дереве, прогнувшись под тяжестью снега, замерли неподвижно. Она никак не могла сосредоточиться. Вспомнив о маятнике, установила его на подоконнике. Блестящий шарик на тонкой проволоке размеренно закачался. Алёна рассеянным взглядом следила за его движением. Она не сразу уловила убыстрение движения шарика, но вскоре он превратился в сверкающую точку, а предметы в комнате стали размытыми. Вокруг Алёны закружился вихрь, она встала и шагнула сквозь поток светлых и тёмных точек.

– На этот раз ты поздновато явилось, – услышала она голос Неркана.

Алёна находилась в полной темноте и не могла разглядеть собеседника.

– Там у нас уже вечер. Я прихватила с собой фонарик. – Она щёлкнула кнопкой, направила луч в сторону Неркана.

Тот закрылся от слепящего света узкой ладонью.

– У нас редко случаются тучи, но сейчас новолуние и поэтому темно. Ты принесла маячок?

Алёна успела заметить плотоядное жадное выражение на круглом лице Неркана.

– Принесла. И голограф тоже. Я хотела узнать, что ты скачиваешь из маячка? И у меня появились вопросы.

Неркан протянул руку, выхватил у девочки прибор.

– Я уже объяснял, кроме показа твоего местоположения, маячок служит накопителем эмоциональной энергии. Мы взаимовыгодны друг другу. Я помогаю тебе, ты мне.

Из-за темноты Алёна не могла разглядеть, как он подключается к прибору, слышала лишь довольное урчание Неркана.

– Какие сильные эмоции. Но лучше всех страх, ненависть и злость. Остальные мелочи.

– Тебе важно, какие именно эмоции? Больше подходят отрицательные? – удивилась Алёна.

Неркан протянул ей прибор обратно.

– Разницы нет, главное накал и сила эмоций. Но отрицательные усваиваются лучше. Чем тебе ещё помочь?

– Я хочу узнать, чего боится мой одноклассник Саша Арно?

Алёна не могла разглядеть экрана, но видела, пальцы Нер-

кана шевелились в воздухе, будто переключали что-то. Она перевела луч фонарика в сторону. Сколько доставал свет, перед ней расстилалась картина, виденная прежде: жёсткие полусухие листья травы, камни, или это соотечественники Неркана, превратившиеся в неподвижные глыбы.

– Я не нашёл за что уцепиться. Мальчик не говорил психологу о своих страхах, на его страничке тоже ничего нет.

Алёна расстроилась.

– Жаль.

– Погоди, я выяснил, что два года назад в реке утонул или пропал его младший брат. Вы земляне такие сентиментальные, отчего-то боитесь призраков. Давай голограф. Сейчас поместим в него фото погибшего мальчика и получим очень реалистичное изображение брата Саши Арно.

Алёна задумалась.

– Это будет слишком подло.

Неркан изобразил смех, его толстое, похожее на бочонок тело затряслось, изо рта вылетели булькающие звуки.

– Как у вас говорят: все средства хороши. Решение принимать тебе.

Алёна покачала головой.

– Я подумаю. Неркан, а ты вообще уходишь из этого места?

– А зачем? На Тарии везде одно и то же, погода меняется лишь незначительно.

– Уныло как-то у вас. Степь и камни.

Алёна ощутила толчок в грудь и не сразу сообразила, что это не физическое прикосновение, а скорее ментальное. Так Неркан выразил сильную досаду.

– Тебе, человеку низшей цивилизации, не понять достижение духа нашей цивилизации. Мои братья слились с природой и мировым разумом. Стали одним целым со своей планетой.

Алёна успокоила его.

– Ладно-ладно, не злись. Чего же ты тогда не слился с мировым разумом? А со мной общаешься.

– Я отклонение, атавизм. Таких немного. Я уже говорил: ты тоже атавизм. Наверно, читала об исчезновениях людей?

– Читала. Фантастика.

– Нет. Люди иногда нечаянно, иногда намеренно в силу умения и способностей проникают в параллельные измерения. Выпадают из своего мира кто навсегда, кто на время. Это зависит от того, сумеют ли найти путь обратно. Только параллельные миры не похожи на то, что изображают в ваших фильмах. Якобы в них живут люди-двойники. Полная чушь.

Алёна рассматривала ногу Неркана в свете фонарика, выглядела она довольно странно и безобразно.

– Я уже поняла. Второй Алёны здесь не повстречаю. Честно сказать, и не хотелось бы. А как мне попасть в другое измерение? Интересно же.

Неркан сложил руки на животе и примостился на валун.

– Откуда я знаю. Никто из Тарийцев не умеет перемещаться. Мы и землян, умеющих проходить из мира в мир, встречаем очень редко. Все сведения только теоретические. Я узнавал: человеческий организм более пластичен, способен на многое. Тело может становиться подобным камню, или наоборот текучим, будто вода. Но это всё лишь теория. Нам тарийцам это не требуется, для разума не существует границ. Мы можем ментально путешествовать в миры по разные стороны от нашего.

– Значит, мне самой придётся найти дорогу в другое измерение.

– Оно может быть опасным, – предупредил Неркан.

– Главное, чтобы интереснее твоего, – подколола Алёна и предложила: – А хочешь, я принесу тебе нашей еды? Вряд ли вкусно питаться травой и песком.

Неркан замахал руками.

– Не нужно. Это нарушит мой метаболизм. Лучше принеси больше эмоций.

– Как получится – пообещала Алёна.

В свою комнату она вернулась глубокой ночью, остановила маятник, поставила его на тумбочку. Спать не хотелось. Алёна принялась изучать голограф. Усевшись на кровати, направила луч прибора в пустой угол комнаты и принялась переключать кнопки. Прекрасно зная, это лишь виртуальные объёмные картинки, всё равно не могла удержаться от ис-

пуганного возгласа, настолько реальными они казались. Вот от угла в разные стороны комнаты полезли жирные, толстые и довольно мерзкие тараканы, послышалось шуршание их многочисленных лапок, потом поблескивая атласной кожей, приподнялась и зашипела на неё кобра. Стаю голубей, летающую под потолком, Алёна не боялась, ей нравились птицы, с удовольствием понаблюдала за пируэтами призрачных птиц. Не впечатлил и мертвец,двигающийся неловко и дергано, не испугали его заунывные тихие стоны. Она вздрогнула лишь от внезапного появления в комнате крупного ягуара, еле справилась с собой. Грациозное животное медленно приближалось к ней, издавая едва слышное рычание, Алёна смогла рассмотреть даже огоньки в глазах ягуара. Он изгот-товился к прыжку, Алёна изо всех сил удерживала себя от стремления убраться вон из комнаты, сердце чуть не выско-чило из груди от страха. Зверь прыгнул и растаял в воздухе. Заставило поёжиться и появление своры собак. Вожак, по-хожий на крупного волка, скалил зубы, из пасти капали хлоп-пья пены, а в жёлтых глаза горела неистовая злоба. Вся стая, состоящая из шести особей, захлёбывалась в злобном лае. А вот коричневый крокодил, бьющий по полу хвостом, насме-шил. Он выглядел так, будто его взяли из детского мульт-фильма. После крокодила секунды четыре ничего больше не появлялось, Алёна решила: голограф полностью исчерпал свои возможности, хотела его выключить. Возникновение в своей спальне мальчика лет четырёх стало для неё нежи-

данностью. В ребёнке не было ничего ужасного. Милое детское лицо, улыбочивый рот, в больших голубых глазах затаилась хитринка и шkodливость. Из-за светлых, длинных почти девчачьих кудряшек малыш выглядел ангелочком, но всё равно создавалось впечатление: он большой проказник. Алёна некоторое время тарасилась на мальчика, а он, казалось, внимательно рассматривал её.

«Это же погибший брат Саши Арно, – вспомнила она и ощутила тяжесть в душе от нахлынувшего чувства печали и сострадания. – Как жаль, что этого мальчишки больше нет на свете».

Она выключила голограф, убрала в сумку. В ванной долго умывалась холодной водой, пытаясь прогнать из головы образ брата Арно. Никаких других родственников, кроме мамы, у неё не имелось, но Алёна нечаянно прикоснулась к боли одноклассника, потерявшего близкого человека, ощутила себя потерянной и одинокой.

Утро застало её не выспавшейся, хмурой. Алёна подняла голову от подушки, бросила взгляд на часы – половина восьмого. Отвернулась от солнца, заглядывающего в комнату, к стене и снова заснула. Впервые прогуляв уроки, Алёна решила и дальше продолжить день необычно. После завтрака она уселась перед маятником и вскоре уже стояла на знакомой равнине, усеянной камнями. Солнце на Тарии стояло высоко, почти над головой Алёны.

– Неркан! Ау! Ты где?

Не получив отклика, Алёна двинулась по жёсткой траве, петляя меж валунов. Она касалась их пальцами, пытаясь определить настоящий камень или спящий тариец. Сколько видел глаз, перед ней виднелась одна и та же картина: каменная степь.

– Неркан! – позвала она снова.

Метрах в тридцати от неё открылся лаз, оттуда показалась лысая голова тарийца. Он неуклюже выбрался из отверстия, торопливо прикрыл его.

– Как ты здесь оказалась?

– Обычным способом, – хмыкнула Алёна. От неё не укрылась растерянность Неркана. Его странные глаза ухитрились за несколько секунд трижды поменять цвет. Она могла только предполагать: изменение цвета связано с переменной в эмоциональном состоянии тарийца.

– Но в это время ты всегда поглощаешь знания.

Алёна засмеялась.

– Ты хотел сказать: учусь. А я решила прогулять и посмотреть на Тарию при нормальном освещении. Это вход в твой дом? – полюбопытствовала она. – Ты же говорил: вам не требуется защита от непогоды.

Неркан приподнялся на тонких ножках и неуклюже поковылял к собеседнице.

– Правильно говорил: нам не страшны перемены погоды. У нас нет домов. Я лишь обследовал впадину в земле. Видимо, ты заразила меня страстью к приключениям, – пошу-

тил Неркан, но выражение его круглых глаз показалось Алёне недобрым.

«С чего я решила, что он мне друг? – подумала она. – А если он что-то скрывает?»

– Можно я тоже осмотрю эту впадину? – предложила она.

Неркан несмотря на неуклюжесть, преградил ей путь.

– Нет! Пусть это останется моей тайной. Так, кажется, любят говорить люди. Чего явилась?

Алёна не стала настаивать, ощутив опасность. Тайна, так тайна.

– Слушай Неркан, а если бы я решила перейти на Тарию не у себя дома, а например в парке. Где бы оказалась?

Неркан немного успокоился, его глаза перестали менять цвет.

– На каком расстоянии парк от твоего дома, настолько ты бы переместилась и тут.

– А я уж думала у меня в спальне что-то подобие перехода.

– Наши миры в разных временных координатах, пройти из одного в другой можно в любой точке. Для перехода ты замедляешься, это не твой мир вокруг тебя ускоряется, время в нём течёт по-прежнему. Именно твоё собственное время притормаживается. А назад тебя выбрасывает будто пробку из бутылки. Но совершать переход где попало не стоит, можно оказаться на вершине горы, или крутом склоне.

Алёна вспомнила, он говорил, будто первый раз она попала на Тарию ещё малышкой.

– Ты увидел меня совсем маленькой. Я переместилась ведь не на это поле. В каком месте это случилось?

– Километров триста отсюда. Ты тогда не умела даже говорить. Я ждал, пока ты подрастёшь и очень надеялся на встречу с тобой. Потом вы переехали, и я потерял тебя. Снова обнаружил шесть лет назад, рассчитал место, куда ты сможешь переместиться. И отправился в долгий путь, в эту долину. Конечно, шанс, что ты появишься тут когда-нибудь, был совсем мизерный. Но он случился.

Алёна посочувствовала.

– Тебе, наверно, одиноко среди этих, впавших в кому.

Неркан насупился.

– Я мечтаю стать таким. Они творят собственные миры. У меня пока не получается перейти на высший уровень.

Алёна фыркнула:

– Их миры ненастоящие, только в воображении, как в компьютерной игре.

– Ты ещё многого не понимаешь. А что, собственно, настоящее и что воображаемое?

– Для меня легко распознать. Настоящее я могу увидеть, услышать, потрогать, а иногда и понюхать. Вот трава она жёсткая, словно тонкие листы железа, и даже пахнет ржавчиной. Я слышу, как шелестят её листья. А ненастоящее нельзя ощутить.

– Глаза – восемьдесят процентов информации. Если тебя лишит зрения, ты не увидишь этой травы. Уши – пять про-

центов. Оглохнешь, мир смолкнет. Нос – ещё пять процентов. Не узнаешь, чем пахнет эта трава. Нет осязания, не почувствуешь её жёсткость. Но всё вокруг ведь не исчезнет от этого. Тогда откуда тебе знать, что миры, созданные в воображении, не существуют. А вдруг они возникают в момент их сотворения силой мысли. Свет – это всего лишь излучение, звуки – механические колебания. Создавая новое излучение, пусть в другом диапазоне, получается новый мир, с новыми параметрами.

Алёна потрясла головой.

– Для меня сложновато. Я кое-что учила по физике, но пока не могу с тобой спорить. Только сильно сомневаюсь, что тарийцы – боги. Я ещё вот что хотела узнать. Почему для перехода в другой мир нужно изменять своё внутреннее время?

– Это легко объяснить. Правда, получится грубовато, но так тебе понятнее. Представь два шара, или нет, лучше два диска, крутящиеся с разными скоростями. Чтобы перейти с одного диска на другой, нужно совместить свою скорость со скоростью того предмета на который переходишь.

– Ничего не понимаю. Я должна двигаться со скоростью движения планеты?

– Плохо объяснил. Чтобы перейти на Тарию, ты совмещаешь своё время с течением времени здесь. Твоё тело как бы перетекает сюда.

– Но я не чувствую в себе изменений.

– Ты их видишь. Тебе кажется, что в твоём мире всё начинает ускоряться.

– Ну да. Выглядит это странновато.

– А на самом деле это ты замедляешься, и наступает момент, когда можешь совершить переход. Хотел бы я так научиться.

Алёна покачала головой.

– Не стоит. Представляю реакцию землян на тебя. Ты про извёл бы у нас переполох.

– Я бы переместился в пустынное место. Но, к сожалению, у меня ничего не выйдет. Мой организм неспособен изменять свои параметры.

Алёна вздохнула.

– Голова уже трещит от загадок. Пройдусь-ка я по долине. Вдруг увижу, что интересное.

– Будь внимательнее, не споткнись.

Алёна собиралась добраться до высокого холма и с его вершины осмотреть окрестности. Она порадовалась, что надела высокие ботинки, жёсткая трава цеплялась за ноги и даже на коже обуви оставляла царапины. Взобравшись на холм, Алёна разочарованно застонала. Перед ней расстилалась всё та же унылая степь с редкими камнями, возвышающимися над жухлой травой. Правда, вдали росло что-то похожее на дерево.

– На Тарии растут деревья? – поинтересовалась Алёна, вернувшись к Неркану.

– Нет. Там вдали вовсе не дерево, а растение, похожее на вашу полынь, только большое.

– А реки, озёра, моря на Тарии имеются?

– И реки, и озёра, и моря. В сезон бурь идут затяжные дожди. И кстати, ты здесь уже больше двух часов.

Алёна всплеснула руками.

– Мне пора. Скоро вернётся мама, а меня нет дома.

Она еле успела, едва убрала серую пыль на полу, как хлопнула входная дверь.

– Алёнушка, мама вернулась.

«Мамочка пришла, молочка принесла, – тихо пробурчала Алёна. – Сколько не проси, не называй меня, как дурочку, не слушает»

– Я здесь, уроки делаю! – крикнула она, быстро раскладывая учебники на столе.

Марианна Авдеевна заглянула в комнату к дочери.

– Дом не спалила, жива-здорова. Зря волновалась. Я в «Кулинарии» жареную курочку купила, сейчас будем ужинать.

Алёна нахмурилась, стало неловко за обман. Но вспомнив панику на лице матери, когда та увидела серую пыль, немного успокоилась. Мама тоже ей лгала. Так что они квиты.

Во время ужина Алёна косилась на родительницу, заметив перемены во внешности. Мама выглядела необычно молодо, изменила причёску, макияж, а главное, у неё светились гла-

за. Она забыла спросить о школе, и Алёна облегчённо расслабилась. Не хотелось врать ещё и про занятия.

– Алёнушка, я хотела с тобой серьёзно поговорить.

– Мам, я же просила!

– Извини. Как ты считаешь, я ещё не старуха?

Алёна намазала печенье джемом, при этом демонстративно оглядела мать.

– Вроде нет.

Марианна Авдеевна набрала воздуха в лёгкие и решилась.

– Один хороший знакомый сделал мне предложение. В общем, я выхожу замуж.

Алёна прожевала печенье.

– Поздравляю. А от меня что требуется? Разрешение?

– Ты ведь не возражаешь?

– А почему я должна возражать?

Марианна Авдеевна в смущении переплела пальцы рук.

– Обычно подростки не желают перемен, хотят, чтобы родители были только с ними.

Алёна подошла к окну. Густые белые хлопья вновь сыпались с бледно-голубого неба, скрывая деревья и летнюю беседку в саду. Такая снежная зима случалась нечасто и очень нравилась ей.

– Мам, ты ещё молодая, почему бы тебе и не выйти замуж. Я не собираюсь мешать. Лишь бы твой будущий муж не цеплялся ко мне.

– Он умный и хороший, очень надеюсь, что вы подружи-

тес. Через неделю мы хотим расписаться. Завтра ты познакомишься с Алексеем Игоревичем.

– Значит, так его зовут. Он будет жить у нас?

– Конечно. Алексей Игоревич, как порядочный человек оставил квартиру жене, за собой сохранил лишь машину.

– Мне это неинтересно.

Алёна подумала: после замужества матери некогда будет следить за ней, появится больше времени и она сможет чаще посещать Тарию. Обследует планету и поищет способ проникнуть в другой параллельный мир.

– А дети у него есть?

– Нет.

– Жаль. У нас с тобой никого нет, и у него тоже. Я всегда хотела узнать, как это иметь сестру, брата или хотя бы бабушку с дедушкой.

Марианна Авдеевна подняла брови.

– Раньше ты не жаловалась, разве что в детстве.

– А чего жаловаться, всё равно никого нет. Да не беспокойся, мам, мне и одной хорошо.

Алёна долго думала, кому из одноклассников позвонить и узнать, что задавали на дом. Получалось некому. Наверно, у неё одной из ровесников в телефоне значилась пара-тройка номеров. Среди них случайно затесался номер друга Саши Арно, Артёма Макеева. Когда-то он звонил ей насчёт переноса репетиции спектакля. Сейчас Алёна порадовалась, что

сохранила его.

– Артём, привет.

– Кто это? – раздался в трубке удивлённый голос Макеева.

Алёна поняла: называть имя бесполезно, за восемь совместных лет учёбы в школе она звонила ему первый раз.

– Донская-Лазарева.

– Мышинская, ты что ли? Ой, Извини.

Алёна от досады прикусила губу. Ничего не меняется.

– Продикуй пожалуйста домашнее задание.

Она записала на листочке сказанное Артёмом и хотела отключиться.

– Погоди. А чего в школе не была? Все удивились. Юлька заявила: тебя машина переехала.

Алёна фыркнула.

– Приболела.

***

При появлении Алёны в классе Платова захлопала в ладоши.

– Надо же, Мышинская живой человек, болеет, как все нормальные люди.

Действительно, за все школьные годы Алёна ни разу не пропустила занятия, вчера это произошло первый раз. Она ведь и правда никогда не болела. Интересно, почему?

– Я смотрю, ты переживала за меня. – Алёна обратила

внимания на хмурое бледное лицо соседки Юли Оли Садовниковой. – Ты лучше за Ольку волнуйся, совсем с лица спала.

Оля подняла на неё глаза, обведённые тёмными кругами, и промолчала. Это не входило ни в какие ворота. Обычно Оля не лезла за словом в карман. Платова сверкнула глазами.

– Ты Олю не трогай, ещё ответишь за неё.

– Вот это здорово, – возмутилась Алёна. – Я виновата в плохом самочувствии Садовниковой.

– Мы с девочками думаем, что ты.

На перемене к Алёне подошёл Арно.

– На больную ты не похожа. Отчего тогда уроки прогуляла? Готовилась совершить очередную подлость?

Алёна поглядела на одноклассника. У Саши над яркими почти девичьими губами появились светлые усики. Выглядело это довольно забавно, потому что он обладал чёрными, словно накрашенными ресницами и бровями. Ей захотелось прикоснуться к этому нежному пушку. Удивлённая странным желанием, Алёна разозлилась и на себя, и на вредного Арно.

– Ты бы не нарывался. Можешь сильно пожалеть.

– Не верю в байки девочек, будто ты ведьма. Я тебя не боюсь. Если ты довела Ольку до нервного срыва, то со мной этот номер не пройдет.

Алёна буквально кожей ощущала злость, исходящую от

Арно, и недоумевала, чем она ему так насолила. И когда только успела, ведь кроме как в театральном кружке, почти нигде не общались.

«Видит Бог, я не хотела этого. Он сам напросился», – рас- судила Алёна и выпалила:

– Хочешь, я покажу тебе твоего брата? Не в классе конечно, на улице. Посмотрим, будешь потом бояться или нет.

Саша мгновенно стал белее листа бумаги.

– Ты не можешь этого сделать. Мой брат мёртв.

– Я могу вызвать призрак. Хочешь его повидать?

Саша пошатнулся, на бледном лбу выступил холодный пот. Синие глаза потемнели, превратившись в один сплошной чёрный зрачок.

– Я догадывался, что у тебя нет сердца, но теперь знаю, там, – он больно ткнул пальцем в грудь Алёны, – даже не пустота, а кусок льда. Ты, Мышинская, сволочь каких поискать. Умеешь ударить...

Алёна скривилась, палец попал в едва сформировавшуюся грудь и вызвал острый приступ боли. Машинально она стукнула по руке одноклассника.

– Я только защищаюсь от вас.

Арно вернулся к своему столу. До конца занятий Алёна то и дело ловила на себе ненавидящий взгляд Саши. Она жалела, что не удержалась и выдала, что знает о его потере. Ведь не собиралась показывать голограмму, понимала: это станет для него потрясением. Не помогали и уверения: так ему и

надо! Он тоже враг и самый опасный, раз так на неё влияет. Но сердце отчего-то ныло, а взгляды Саши казалось, прожигали насквозь.

Глава 6

С работы мать вернулась пораньше и принялась готовить праздничный ужин.

– Алёнушка, помоги мне нарезать салат.

Алёна не повернула головы. Иногда слова не помогали, приходилось действовать по-другому. В конце концов она уже не маленькая девочка, ей скоро исполнится пятнадцать.

– Алёна, помоги с салатом, – поправилась Марианна Авдеевна.

– Так-то лучше. Сейчас допишу пару строк и я в твоём распоряжении.

Алексей Игоревич появился минута в минуту. Ровно в шесть вечера раздался стук в дверь.

– Говорила же, он точен. А ты успеем, успеем, – всплеснула руками Марианна Авдеевна. – А я ещё не при параде. – Она вытерла мокрые руки полотенцем, и побежала открывать дверь.

– Это вам, – высокий мужчина в элегантном чёрном пальто, входя в гостиную, протянул Алёне букет белых тюльпанов.

На его тёмных волосах таяли снежинки. Про такие лица с крупным носом горбинкой, чуть впалыми щёками говорят: орлиный профиль. Смущённая улыбка, скользнувшая по гу-

бам Алексея Игоревича, сделала его лицо приветливей. Алёна приняла тюльпаны.

– Спасибо.

Марианна Авдеевна забрала пальто гостя.

– Леша, проходи в гостиную, а ты Алёну-у-у, – мать быстро поправилась, – Алёна, развлеки гостя, пока я переоденусь.

Алексей Игоревич представился Алёне и сел на указанное место.

– Мари говорила, что её дочь милая, симпатичная девочка. Боюсь, она ошибается.

Алёна с интересом уставилась на гостя. Неужели он вот так сразу обнаружил в ней серую мышь, какой её и считают в классе.

– Вы красавица, – продолжил он фразу.

– Вам показалось, – отчего-то Алёне стало досадно. Алексей Игоревич хочет ей понравиться? – По-моему, только вы и мама так считаете. Знаете, какая кличка у меня в классе? – Она, откинув чуть растрепавшуюся косу за спину, сузила глаза.

– Судя по внешности, Снегурочка или Белоснежка.

– Мышь или Мышинская, – усмехнулась Алёна и выпалила: – И друзей у меня нет. Совсем. И знаете, что я вам скажу: если не будете вмешиваться в мои дела, то и я в ваши не буду. Тогда будем мирно сосуществовать.

– Я собственно и не собирался... – ошарашено произнёс Алексей Игоревич. – Искренне не понимаю, почему Мы-

шинская? Ты на самом деле очень красивая девочка. — Он недоверчиво покосился на дочь любимой женщины, на нежное овальное лицо с правильными чертами, аккуратным прямым носом, яркими глазами, окружёнными, будто озерцо, одуванчиками, пушистыми светлыми ресницами.

— Наверно, у вас другое зрение, — хмыкнула Алёна. — Только не подумайте, что я расстраиваюсь и переживаю. Люблю быть одна.

— Мари говорила: ты весьма самостоятельная.

— Точно.

— Я вижу, вы уже познакомились, — обрадовалась Марианна Авдеевна, застав дочь и гостя за мирной беседой.

— А как вы познакомились? — поинтересовалась Алёна, решив быть милой и терпеливой.

Ей почти не пришлось принимать участия в беседе. Мать и её будущий муж, поведали о первой встрече, о забавных перипетиях на работе. Алёна лишь иногда кивала и вставляла пару междометий. От выпитого вина Марианна Авдеевна порозовела, расслабилась, рассказала несколько смешных историй и анекдотов. Алёна никогда не видела мать такой весёлой и не знала, что та умеет заразительно смеяться. Она сама хохотала над её шутками до упаду. Алёна заметила: Алексей Игоревич с такой любовью смотрит на мать, что даже неловко.

— Всё, не могу. Живот болит, — заявила она, поднимаясь из-за стола. — Мам, замечательный получился вечер. Алек-

сей Игорьевич, было приятно с вами пообщаться. Я к себе. Ладно?

– Хорошо.

– Совсем забыл, – охнул Алексей Игорьевич. – Я же соби-
рался кое-что сделать. Алёна, задержись ненадолго, – он лег-
ко и непринуждённо перешёл на ты.

Вышел в коридор, в комнату вернулся уже с гитарой в ру-
ках. Алёна еле сдержала вздох разочарования. Она терпеть
не могла самодеятельность и глупые слезливые песни под ги-
тару. Алёксей Игорьевич положил гитару на стул. Как-то уди-
вительно ловко и элегантно стал на одно колено и протянул
раскрытую коробочку с кольцом Марианне Авдеевне.

– Я сделал тебе предложение только на словах, теперь же
прошу принять и обручальное кольцо.

Алёна хмыкнула от некоторой театральности, но заметив
заблестевшие глаза матери, сдержала эмоции. Алексей Иго-
ревич поднялся с колен, надел кольцо на палец возлюблен-
ной, потом вытащил из кармана ещё одну коробочку.

– А это вам Алёна. Прошу согласия на брак с вашей ма-
мой.

Алёна посмотрела – на белом бархате лежала золотая це-
почка с кулоном. Внутри кулона кусочком летнего неба свер-
кала бирюза.

– Спасибо, – пробормотала она, не ожидая подарка, и по-
думала: «Это моё первое украшение». – Спасибо, – засмея-
лась она. – Совет и что там ещё говорят? Ах да любовь.

– Ну вот разрешение от самого главного человека получено, – ухмыльнулся Алексей Игоревич и взял гитару.

Алёна застонала.

– Песни без меня.

Но дверь в своей комнате оставила приоткрытой, надо же узнать, как будет позориться будущий мамин муж. Сначала Алёна услышала, как он с минуту перебирал струны, а потом полилась музыка очень похожая на микс из мелодий Эннио Мориконе. Алексей Игоревич пел немного хрипловатым, но приятным голосом.

Горчит трава воспоминаний¹,
Реальней и страшнее сны...
От зла, печали и страданий
Мы все любовью спасены.

От бед, подкравшихся внезапно,
От мук, грядущих и былых, –
Любовью к мертвым виноватой,
Любовью ленною живых.

Под шум изменчивого мира,
В бездонной люльке тишины,
От дня рожденья – до могилы

---

¹ Стихотворение российской поэтессы Ольги Силаевой

Мы все любовью спасены.

«Надо же дядька неплохо поёт», – улыбнулась Алёна, когда музыка смолкла. Раздался счастливый смех матери и её тихий шёпот. Алёна почувствовала себя неловко, будто подглядывала в замочную скважину. Чувствуя досаду и отчего-то раздражение, плотно закрыла дверь и легла в кровать.

На следующий день на подходе к школе Алёну поджидала банда Платовой в неполном составе.

– Куда Садовникову дели? – поинтересовалась Алёна и на всякий случай отступила к забору, чтобы одноклассницы не зашли со спины. Вдруг решат напасть на неё.

Юлька сжала кулаки.

– Вот про неё и хотим поговорить с тобой. Мы уверены из-за тебя Оля совсем перестала спать, а вчера вечером её без сознания увезли в больницу.

Маша Данилова коlobком подкатилась к Юльке.

– Признавайся, что ты с ней сделала. Расколдуй её обратно.

Красивые чёрные брови Сони Велизаровой сошлись на переносице, а глаза засверкали злым огнём.

– Будь человеком Донская-Лазарева, оставь её в покое. Сделай так, чтобы она перестала бояться.

От удивления Алёна даже растерялась. Впервые одноклассница назвала её не кличкой, а по фамилии.

– Ого! Всё так серьёзно. И чего же боится наша Олечка,

что перестала спать.

– Ты только не придуривайся, – прошипела Юлька. – Соня говорит: ты на неё покойника натравила. Она столько энергетиков и кофе пила, что ей стало плохо. Верни мертвеца в могилу.

Алёна хмыкнула.

– Значит, поверили. Да ваша Оля просто трусиха.

– Неважно. Доводить человека до болезни – подло, – выкрикнула Маша.

Будучи одного роста с Алёной, она была крупнее и сильнее её физически. Алёна отступила ещё и почти прижалась к забору. Одноклассницы сейчас напоминали стаю разозлённых собак, одно неловкое движение или слово, набросятся скопом.

Юля хмыкнула, заметив страх в её глазах.

– Правильно поняла. Если не поможешь Ольге, поймаем и накастыляем по шее. И это не пустая угроза. Будешь каждый день с фингалами ходить.

Алёна смерила Платову взглядом. Рослой и высокой однокласснице она едва доставала до плеча. Перевела взгляд на Соню. Та тоже глядела на неё с ненавистью.

«А ведь могут. С них станется».

Алёна даже зауважала их. Надо же, как волнуются за подругу.

– В какую больницу положили Садовникову?

Платова обрадовалась и отступила от загнанной в угол

жертвы.

– Так-то лучше. Сразу после школы поедem к Оле.

Алёна пожала плечами.

– Хорошо. Учтите, я не вас испугалась. Просто не подозревала, что у Садовниковой всё настолько плохо.

– Ну-ну, – язвительно протянула Маша. – Так мы тебе и поверили.

Алёна несмотря на свою внешнюю хрупкость росла очень крепким ребёнком. Она ухитрилась не переболеть даже обычными детскими болезнями. Отчего Марианна Авдеевна сильно переживала и даже специально водила дочь к малышам, заболевшим ветрянкой, но её ничего не брало. И хотя посещения больницы бывали редкими и только ради прививок, Алёна терпеть не могла больницы.

Эта районная больница тоже вызвала у неё неприятное и не совсем понятное чувство безысходности и потери. Трёхэтажное здание, расположенное в виде буквы т, окружали огромные платаны, держащие на раскидистых ветках шапки снега. В приёмном покое их встретила приветливая медсестра.

– Все к Садовниковой? Многовато вас. Пропущу только двоих. И не шуметь, девочки, – строго сказала медсестра. Быстро проверив пакет с гостинцами для больной, добавила: – Решайте сами, кто отправиться к подруге.

Платова предложила Соне и Маше подождать её в приём-

ном покое, Алёне же посоветовала оставить верхнюю одежду и сумку с ними.

– Можешь не бояться, они не подложат в неё тараканов. Это лишь твой метод.

Алена незаметно переложила в карман шерстяной кофты голограф, уже настроенный ею на изображение призрака. На подколки Юли отвечать не стала.

Не дожидаясь лифта, они поднялись по лестнице на третий этаж в отделение психиатрии. Постовая медсестра разрешила им пройти в палату к Ольге.

– Хорошо, что вы не забываете подругу. Этой ночью пришлось делать успокаивающие и снотворные уколы, она так орала, что перебудила всех больных. Поговорите с ней о чём-то веселом, поднимите настроение, только не расстраивайте.

– Мы постараемся, – пообещала Платова и бросила сердитый взгляд на Алёну.

Длинный светлый больничный коридор с белыми прямоугольниками дверей пробудил у Алёны воспоминание чего-то неприятного. Из отдалённого уголка памяти появился образ взволнованного мужчины. Он тряс её за плечи, испуганно спрашивая:

– Алечка, что у тебя болит? Скажи! Алечка, голова кружится?

Алёна нахмурилась. Она не помнила, чтобы кто-то называл её Алей. Но была уверена, этот мужчина обращался к ней. Воспоминание подкинуло размытые образы ещё ка-

ких-то людей: пожилых женщин и старика. Все они пережили за неё. Интересно, как много она не знает о своём раннем детстве? Кто эти люди? И что тогда случилось?

– Мы пришли, – отвлекла её от мыслей Платова. – Ты это, Мыш... – Юля осеклась, но назвать Алёну по имени не смогла. – Что хочешь делай, но помоги Ольке. Если получится, твёрдо обещаю больше тебя не трогать.

Алёна усмехнулась.

– Почему бы и нет. С паршивой овцы хоть шерсти клок.

Юлька покраснела.

– Ты кого овцой назвала?

Алёна открыла дверь в палату. И тут всё белое: стены, мебель, кровать, рама на окне, постельное бельё на кровати. Лицо Ольги бледное почти одного цвета с наволочкой на подушке, да ещё отликает синевой. Когда они вошли, Садовникова не повернула головы в их сторону. Её глаза напомнили Алёне глаза мёртвого голубя: тусклые, будто, покрытые плёнкой. Юля села на стул рядом с кроватью, взяла подругу за руку. Оля приоткрыла сухие губы, Алёна вздрогнула, не узнав её шелестящий голос, будто ветер гнал по земле осеннюю листву.

– Зачем ты её привела?

– Она начала, пусть она и закончит.

Алёна закрыла глаза.

«Неужели это я довела её до такого состояния».

Она ощутила сожаление и страх.

«Вдруг останется психом. Не хочу винить себя всю жизнь».

Оля приподняла голову, тусклые глаза увлажнились.

– Юля, я боюсь заснуть, а они пичкают меня таблетками, от них голова болит и всё плывёт перед глазами.

– Я не ведьма. Соврала, чтобы напугать, – пробормотала Алёна, сглатывая комок в горле.

Платова удивилась.

– Тогда как ты объяснишь тараканов, голубей, змею и покойника.

– Ничего этого не было, и на самом деле не существует. – Алёна понимала: наличие голографа не объяснить, да и не собиралась это делать. Она вспомнила: год назад в их городок приезжал заезжий гипнотизёр, четвёрка Платовой ходила на представление. – Я умею гипнотизировать.

– Что?

– Оля, прости меня, я очень сожалею. Ты не должна больше бояться, никакого ходячего покойника нет и в помине. Он только в твоём воображении.

– Не верю. Я его каждую ночь видела.

– Сейчас покажу. Я уже загипнотизировала вас обоих. Смотрите, вон в том углу якобы появится мертвец.

Юля недоверчиво уставилась в угол.

– Когда ты успела нас загипнотизировать?

Алёне пришлось выдумывать на ходу.

– Сделала только что. Вроде мысленной установки.

Оля прошептала:

– Разве покойники днём являются?

– Об этом я и говорю. Нет никаких оживающих покойников. Только не орите, сейчас я скажу ключевое слово, и вам покажется, будто вы увидели призрака. – Алёна нажала кнопку и громко произнесла: – Раз, два, три – смотри.

В окно палаты светило неяркое зимнее солнце и от этого возникший в углу полуразложившийся мертвец, показался картинкой из фильма. Ольга не выдержала и громко вскрикнула.

– Не бойтесь, это лишь фантом. Юля, если не трусишь, подойди, и Оля поймёт, что на самом деле там никого нет, – посоветовала Алёна.

Садовникова кусала пальцы, чтобы удержать рвущийся из горла крик, глаза становились стеклянными. Платова покачала головой, боясь сдвинуться с места.

– Чёрт! – растерялась Алёна. Незаметно пристроив голограф в складках пододеяльника, направилась в угол.

Она несколько раз прошла через голографическое изображение дергающегося мертвеца.

– Платова, не будь трусихой. Подойди.

Юля на трясущихся ногах приблизилась к Алёне.

– Тут только воздух. Оль, правда ничего нет. Убедись сама.

Оля закрыла глаза руками.

– Ни за что!

Алёна подошла к ней и отняла руки от лица.

– Ну же, Садовникова, так и будешь всю жизнь трястись и пить таблетки. И всё из-за меня. Неужели тебе необходимо?

Оля встала, Алёна подхватила её под руку. Юля подбадривала подругу. Алёна почувствовала мелкую дрожь во всём теле одноклассницы и крепче прижала её к себе. Через пару мелких шагов голограмма расплылась. Оля теперь видела лишь что-то вроде цветной дымки.

– Как тебе удаётся нам внушать? – поинтересовалась Садовникова.

Алёна отошла от подруг, присела на кровать.

– Сейчас скажу смешное слово, и вы никогда больше не увидите эту мерзость. Обещаю, – она подняла одну руку, другой нащупала голограф. – Бумс! – Пока одноклассницы смотрели на её руку, вздетую вверх, она быстро спрятала прибор в карман.

Подруги с облегчением уселись на кровать. Оля слабо улыбнулась.

– Ну ты и сволочь, Донская-Лазарева. И фамилия у тебя дурацкая, пока её произнесёшь...

Юлька хмыкнула:

– И произносить не хочется. С такой фамилией будто к столбовой дворянке обращаешься. Противно.

Щёки Оли порозовели, она покосилась на гипнотизёрку.

– Точно. Будто она голубых кровей, а мы – плебеи.

Алёна предложила:

– Можно просто Лазарева. Это фамилия отца.

– Которого у тебя не имеется, – съехидничала Платова.

Алёна не согласилась

– Но ведь был же. Если наш договор в силе, я пойду. Не люблю больницы.

Оля глянула на подругу.

– Что за договор?

– Потом расскажу.

Глава 7

Неделя до регистрации брака Марианны Авдеевны пролетела в приятных для неё хлопотах и нудной суете для Алёны. Мать упросила перемерить кучу платьев, ей хотелось, чтобы наряд дочери гармонировал с платьем невесты. По задумке Марианны Авдеевны, за неимением родственников, именно Алёна должна передать её в надёжные руки жениха. Та же считала красивую процедуру, придуманную матерью, полной чепухой, подсмотренной в американских фильмах, но глядя на счастливое довольное лицо матери, смирилась и решила вытерпеть эту суматоху. К счастью, в школе её больше не тревожила четвёрка Платовой, и она могла хотя бы там расслабиться. Одноклассницы делали вид, что её не существует и это вполне устраивало Алёну. В глубине души она радовалась: Садовникову выписали из больницы, и выглядит одноклассница вполне здоровой.

Утро знаменательного дня бракосочетания наступило слишком рано для Алёны. Мать подняла её в шесть утра.

– На улице ещё темно, – простионала Алёна, натягивая одеяло на голову.

– Алёнушка, надо подниматься. Я договорилась с парикмахером на семь часов. Пока позавтракаем, пока доедем на такси.

Алёна не стала злиться, на ненавистную Алёнушку, списала на волнения матери.

– Зачем мне причёска? Ты поезжай, а я просто причешусь и всё.

– Милая, но у нас будут почти одинаковые причёски. Пожалуйста. Потерпи ради меня.

Алёна откинула одеяло, бросила взгляд на платье, висящее на плечиках. Платье с корсетом из голубого шёлка и бледно-голубой юбкой из органзы, усыпанной мелкими сверкающими камешками, напоминало наряды принцесс из сказок. На маленькой девочке оно бы смотрелось, но на подростке выглядело смешно. Хорошо ещё, что она небольшого роста, иначе выглядела бы совсем нелепо.

– Я разве не терплю, – буркнула она и ткнула в платье пальцем. – Кто в здравом уме это наденет.

В парикмахерской им сделали гладкие причёски, живописно выпустив лишь несколько локонов. Причудливо уложенные волосы, украсили мелкие белые цветочки и камешки, похожие на капли воды.

– Вы прямо как сёстры, – всплеснула руками мастер, окинув свою работу взглядом.

Алёна усмехнулась. Причёска, не соответствующая её возрасту, сделала её старше, а мать моложе. Собственно Марианна Авдеевна этого и добивалась, она ухитрилась покрасить волосы точно в тон волосам дочери.

«Если кто будет смеяться вслух, пойду и вымою голову

под краном. И переоденусь», – пробормотала Алёна, с кислой миной рассматривая себя в зеркало. Макияж тоже добавил ей возраста.

Но никто не смеялся. Немногочисленные гости с работы матери и Алексея Игоревича засыпали их восхищёнными комплиментами.

– Марианна, какая у тебя взрослая и необыкновенно красивая дочь!

– Как вы похожи.

– Вы просто чудо!

Даже вроде бы здравомыслящий Алексей Игоревич бродил с горящим взглядом и не мог налюбоваться на жену и падчерицу. Алёна при всеобщем романтическом помутнении разума решила до конца вытерпеть этот спектакль и честно доиграть роль милой девочки. Она покорно фотографировалась со всеми желающими, говорила тосты, ловила букет и участвовала в дурацких конкурсах. Смирненно выходила на танцпол с подвыпившими коллегами родителей. К девяти вечера, решив, что её роль свадебного генерала окончена, Алёна попросила:

– Можно я вызову такси и поеду домой?

Мать поправила выбившиеся из причёски локоны, отхлебнула шампанское из бокала.

– Завтра ведь выходной. Посиди с нами ещё.

– Вы ведь после ресторана отправитесь в гостиницу, значит, я могу вернуться домой и лечь спать. Можешь за меня

не волноваться, замкну и калитку, и дверь.

Заиграла нежная мелодия вальса. Алексей Игоревич пригласил жену на танец. Марианна Игоревна подала руку мужу и, наклонившись к дочери, попросила:

– Побудь ещё полчаса, ладно? Потом поедешь домой.

Алёна вздохнула, полчаса она как-нибудь вытерпит. К ней подошёл симпатичный молодой мужчина в сером костюме, сидящем на нём с элегантной небрежностью.

– Разрешите?

Алёна пожала плечами.

– Я не умею танцевать вальс.

– А мы будем медленно и осторожно. – Он взял её за руку и вывел на танцпол.

Алёна видела, как танцуют в паре по телевизору и в кино, но самой не приходилось, из-за того, что не ходила на школьные дискотеки. Она старалась двигаться в такт музыки, но сбивалась и чувствовала себя неловко. Ей показалось, музыка длилась вечно, никогда она так не уставала, как во время этого вальса. Когда смолк последний аккорд, не сдержала вдоха облегчения.

«Кто сказал, что танцевать приятно. Ужас. Будто вагон разгрузила», – подумала Алёна.

Мужчина наклонился и тихо произнёс:

– Ты такая хрупкая, но тебя очень тяжело вести, потому что слишком напряжена и сопротивляешься партнёру. Не чувствуешь его и пытаешься двигаться сама. Попробуй рас-

слабиться, услышать ритм и музыку. Ты не танцуешь, а будто воюешь в титановой броне.

Алёна смутилась и сердито процедила:

– Ненавижу танцы.

– А по-моему, ты просто боишься довериться.

– Вы психолог?

Партнёр по танцу довёл Алёну к её месту за столом.

– Нет. Просто я люблю танцевать.

После ещё пары быстрых танцев, снова зазвучал медленная музыка. Алексей Игоревич, шутливо щёлкнув каблучками, пригласил падчерицу. Алёна отправилась на танцпол, будто на каторгу. В общем-то так и вышло. Она пыталась слушать музыку и следовать движениям отчима, но выходило плохо, замучились оба. Алёна еле волочила ноги, а Алексей Игоревич даже взмок.

– Фиговая из меня танцовщица, – заявила Алёна, обмахивая разгорячённое мокрое лицо. – К чёрту эти танцы.

Алексей Игоревич не стал лукавить.

– Да уж. В тебе веса всего ничего, а показалось: центнер таскаю по танцполу. Ничего, научишься.

– Это вряд ли, – она не собиралась издеваться над собой.

Официант сообщил, что такси прибыло. Алёна пожелала молодожёнам счастья и с радостью покинула ресторан.

***

Алёна допила чай, положила пару булочек в пакет. Сегодня сразу после уроков, будут занятия в студии живописи: булочки пригодятся для перекуса.

– Дочь, погоди минуточку, – мать мялась, не зная, как начать.

Алёна, заметив смущение на лице матери, догадалась, что сейчас услышит.

– У меня будет брат или сестричка.

– Брат, – оторопела Марианна Авдеевна. – Но как ты?

– Мам, отчего ещё ты будешь краснеть передо мной. Поздравляю!

– Ты нормально относишься к этому?

Алёна почесала в затылке, улыбнулась.

– Мне хотелось сестру или брата лет десять назад. Но лучше поздно, чем никогда.

– Это ещё не всё.

Алёна насторожилась. Они мирно сосуществовали с отчимом, не ссорились. Тот не пытался её воспитывать и ни во что не вмешивался.

– На работе нам дали двухнедельный отпуск и Алексей купил десятидневную путёвку в Пятигорск. Что-то вроде свадебного путешествия.

Алёна выдохнула облегчённо.

– Замечательно. Ты боишься оставить меня одну?

– Мы подумали, что если ты поедешь с нами. Путёвку для тебя приобретём на месте.

Алёна подняла глаза к потолку. Вот уж чего не хотелось, так это целыми днями быть с матерью и отчимом.

– Не могу. У меня учёба. Да и вам лучше побыть одним. Я справлюсь. От голода не умру, вечеринки закатывать в доме не буду.

– Вот уж за это я не волнуюсь. Но оставлять подростка одного в доме опасно.

«Надо же, я сразу стала подростком, а не просто дочерью», – хмыкнула про себя Алёна.

Она видела, мать хочет поехать в отпуск, но ей нужно какое-то оправдание тому, что оставляет её одну.

– Обещаю быть бдительной, хорошо кушать и отзваниваться три раза в сутки.

Марианна Авдеевна улыбнулась.

– Гора с плеч. Холодильник мы забьём полуфабрикатами, тебе останется только разогреть. Но я всё же попрошу соседку приглядывать за тобой.

Насчёт соседки Алёна не возражала. Мать плохо знала довольно взбалмошную и безалаберную тётку Лену, отчего считая её серьёзным человеком. Та вежливо приветствовала Марианну Авдеевну по утрам, иногда раскланивалась с ней по вечерам – вот и всё их знакомство. Но раз соседка трудилась бухгалтером, то мать считала её человеком, заслуживающим доверия.

Алёна едва скрыла удовлетворение, хотя ей хотелось прыгать от радости. Целые десять дней она может посвятить изу-

чению Тарии и никто не будет мешать. Оказалось, мать с Алексеем Игоревич уезжают уже вечером.

Уроки литературы и русского языка тянулись медленно, любимая химия пролетела стремительно, на геометрии было интересно, оставалась лишь физкультура и можно отправляться домой. Алёна, переодевшись в спортивную форму, сидела на скамеечке в спортзале.

– Я хочу, чтобы ты показала брата, – выпалил Саша Арно, садясь рядом.

Алёна покачала головой.

– Зря сказала тебе, уже жалею об этом.

– Хочу увидеть его. Просто увидеть. Перед его смертью мы поссорились. Так глупо, он же ещё маленький, как я мог ссориться с малышом. Потом я уехал на соревнования и не успел с ним помириться. Понимаю, что это будет не мой братишка, но я согласен и на фантом.

Алёна покосилась на хмурое лицо одноклассника, на крепко сжатые губы. Было видно, на виске Арно сквозь тонкую кожу часто-часто пульсирует кровь.

– Я не стану показывать тебе брата. Ты не представляешь, о чём просишь меня.

Саша нервно щёлкнул пальцами.

– Знаю. Платова рассказала про больницу, про гипноз. Ты заставляешь видеть то, чего нет. Я очень прошу, покажи братишку. Ты ведь не такая чёрствая, какой кажешься, – он осторожно коснулся пальцами локтя Алёны.

Она ощутила тепло его руки, вздохнула, вспомнив, как выглядит голограмма брата Арно. Мальчик словно только что прибежал с улицы, улыбается во весь рот, кажется, вот-вот сорвётся и ускачет дальше – это станет ударом для одноклассника.

– Я хотела тебя наказать, но больше этого не желаю. С меня хватит Садовниковой. Чуть не угробила её.

– Железная Мышинская решила исправиться, – процедил Арно. – С чего вдруг? Не очень верится.

Алёна, услышав свою кличку, не стала обижаться. Понимала, он провоцирует её. Злит специально. И всё же у неё кольнуло в сердце. Она сбросила руку Саши.

– Мне плевать, веришь ты или нет.

– Прошу тебя, – теперь он смотрел умоляюще.

Алёна покачала головой.

– Не стоит.

– Это моё дело, – он схватил её за плечи и выдохнул прямо в лицо. – Пожалуйста. Алёна. Прошу тебя.

Она сглотнула слюну. Арно назвал её по имени, лишь бы она согласилась. Ей стало обидно и больно.

– Чёрт с тобой. Встретимся после занятий в парке.

– Ты не пойдёшь в студию на урок рисования?

Алёна пожала плечами.

– Один раз можно и пропустить.

У Саши округлились глаза.

– Что-то новенькое. В студии все готовятся к конкурсу,

можешь проиграть.

– Велика важность.

– А как же твоё знаменитое: я во всём лучше всех.

«Вот и вернулся прежний язвительный Арно», – подумала Алёна и хмыкнула:

– Я лучше всех умею вовремя отступить.

Она выглянула в окно, низкие серые тучи, набухшие снегом, казалось, задевали верхушки елей и сосен в парке напротив школы. Алёна застегнула куртку под самое горло, заправила форменные брюки в сапожки. Дорожки в парке чистились редко, и ей не хотелось набрать снега в сапоги.

Саша уже ждал на центральной аллее. Алёна молча проследовала мимо него вглубь парка, чтобы укрыться от случайных свидетелей. Арно так же молча пошёл за ней. Проваливаясь по колено в снег, она добрела до трех разлапистых елей, создавших укромный уголок. Из-за пасмурного неба здесь было сумрачно и удивительно тихо. Алёна нажала на кнопку голографа и направила луч в промежуток между собой и Сашей.

– Смотри туда, – показала она на крупную шишку, упавшую неподалёку от самой высокой ели.

Арно недоверчиво уставился на указанное место. Появление брата в шортах и клетчатой рубашке с короткими рукавами прямо среди снега ударило его в сердце.

Серёжа смотрел на них, его светлые волнистые волосы ше-

велил ветер, глаза искрились от смеха, а на розовых губах играла улыбка. Он ещё не избавился от детской миловидности, у него были пухлые щёки и крошечный нос пуговкой.

У Саши промелькнуло в голове, что и никогда уже не избавится. Он жадно смотрел на живого брата, словно губка впитывая родные черты.

– Братик, прости меня. Считал тебя совсем маленьким и редко играл с тобой. Прости меня, пожалуйста. Я так скучаю, если бы мог всё отдал, лишь бы ты остался жить, – Саша говорил быстро, захлёбываясь, голос его дрожал. Он вытер слёзы рукавом, шмыгнул носом. – Серёжа-а-а.

Алёна не выдержала накала боли одноклассника и выключила голограф. Чужое горе ледяными иглами кололо душу. Глаза горели от сдерживаемых слёз.

– Верни его! Верни!

Крик Саши стегнул Алёну по нервам.

– Хватит! Его больше нет. Он услышал тебя. Ты же видел ему там хорошо. – Она ругала себя, что согласилась устроить эту жуткую встречу Арно с его виртуальным братом.

– Верни ещё на одну минуту. Я попрощаюсь с ним.

Алёна включила голограф и отвернулась, чтобы не видеть слёз, текущих по щекам Саши.

– Братик, прощай. Я всегда буду помнить и любить тебя, – пробормотал Саша. Он старался запомнить Серёжу таким, как сейчас: весёлым и улыбающимся. Саша никак не мог наглядеться на брата. Он не замечал слёз, замерзающих на ще-

ках, не чувствовал крови из прокошенной губы.

Алёна выключила голограф, ей хотелось сломать прибор. Она вытащила из кармана носовой платок и, приблизившись к Арно, стоящему столбом, вытерла ему лицо. На белой ткани заалели пятна крови.

– Не нужно было этого делать. Я лишь добавила тебе переживаний.

В глазах Саши, потемневших от боли, промелькнула досада.

– Нужно. Я попрощался с ним. – Арно отвернулся от неё и пошёл к выходу из парка.

Алёна осталась стоять у елей, глядя ему вслед. Голова втянута в плечи, спина согнута, будто старик, а не мальчик брёл по дорожке по заснеженному парку. Впервые всей душой ей хотелось облегчить чужое горе. Неожиданно Саша повернулся и помахал рукой.

– Спасибо, – прошептал он одними губами.

Алёна поняла его и кивнула. С верхушки ели сорвался снежный пласт, рухнул вниз, засыпая девочку толстым слоем. Пока она отряхивала шапку, куртку, Арно скрылся из глаз.

Домой Алёна вернулась замёрзшая и расстроенная. Перед глазами всё ещё стояло лицо одноклассника с глазами, полными боли и тоски. С трудом впихнув в себя тарелку супа, она отправилась в свою комнату.

Глава 8

Прошло два дня с отъезда матери и отчима на отдых, а она так и не выбрала время, чтобы отправиться на Тарию. Всё время что-то мешало: то нужно написать реферат по истории, то подготовиться к олимпиаде по химии. Случай в парке затронул её душу даже глубже, чем Алёна подозревала. На конкурс «Зимнего пейзажа» она принесла небрежно написанную картину. Прошлась по выставке, машинально отмечая: у Садовниковой получилось лучше всех. На этот раз точно выиграет она. Картины у Платовой и Даниловой недалеко ушли от её собственной мазни. Неплохо получилась опушка леса у Елизаровой, с Ольгой также могла конкурировать и Славская Аня из параллельного класса. Её щенок, гоняющийся за снежинками, поражал живостью и экспрессией. Алёна покосилась на свою картину, подошла к ней и решительно порвала на кусочки.

Руководитель студии возмутился:

- Лазарева-Доская, что ты себе позволяешь?
- Убираю плохую работу.
- Это не тебе судить.

Ученики, присутствующие на выставке, с любопытством следили за перепалкой. Платова даже сняла наушники.

- Мне. Исправляю ошибку. Непонятно зачем я впустую

потратила столько лет. Ни умения, ни дара к живописи у меня нет, художник из меня никогда не получится. Впрочем, из них тоже, — Алёна обвела рукой ребят. — Если уж честно талант имеется только у двоих: Славской и Садовниковой. Остальные такие же посредственности, как я. Зачем собственно заниматься тем, что плохо получается.

Лицо руководителя сделалось красным, он судорожно расстегнул ворот рубашки.

— Какое ты имеешь право судить других! Занятия живописью развивают личность и художественный вкус.

— На здоровье. Пусть развивают, а я ухожу из студии.

— Но ты ведь так усердно занималась.

Алёна покачала головой.

— Не тем, чем нужно.

Платова захлопала в ладоши.

— Приятно удивила, сдалась без боя, сдулась, будто воздушный шарик.

Алёна слышала возмущённые возгласы, понимала, ребята не простят, что она обозвала их бездарностями. Только её это мало волновало. Выбросив в мусорную корзину разорванный пейзаж, закрыла дверь студии. Чувствовала она себя так, словно сбросила часть ненужного груза.

На следующий день после занятий, присутствуя на распределении ролей в новую пьесу, ощутила уже знакомый зуд бесполезности происходящего.

— Алёна, ты слышишь меня? — донёсся до неё голос Ильи

Константиновича. – Возьмёшь роль младшей сестры, из-за твоего роста ты будешь казаться моложе. Платова будет старшей сестрой, Елизарова – средней.

Алёна очнулась от дум.

– Илья Константинович, а я, – завопила Маша Данилова. – Я опять служанка или горничная?

– В следующий раз тебе достанется роль больше, – сморщился режиссёр от слишком высокого голоса Маши. – Алёна, ты чего молчишь?

– Илья Константинович, извините, но я решила уйти из театрального кружка. Можете отдать мою роль.

– Когда ты решила?

– Только что. Мне собственно никогда не нравился театр...

Илья Константинович откинул со лба волосы, с негодованием произнёс:

– Если не нравился театр, зачем посещала студию?

– Из вредности, – хмыкнула Алёна, надевая куртку. – А теперь надоело.

Платова присвистнула. Руководитель студии бросил на неё испепеляющий взгляд, потом посмотрел на Алёну.

– Подумай хорошо. У тебя неплохо получалось. Я считаю, у тебя есть актёрские способности. Ты и Арно иногда просто великолепно играете.

– Да уж. Притворяться мы умеем. Хотя... – она обвела глазами студийцев. – Этой способностью многие обладают.

Илья Константинович покачал головой.

– Не притворяться, а перевоплощаться в другого человека на самом деле умеют не все. Всё-таки подумай.

– Спасибо за добрые слова, но я твёрдо решила покинуть студию, – Алёна заметила удивлённый внимательный взгляд Саши Арно. – Всем удачи.

Она шла по коридору школы, а ей казалось, летит: за спиной, будто крылья выросли. Теперь свободна от нудных занятий живописью, скучных и неинтересных чтений и разборов пьес. Жалела только о том, что потратила кучу времени на эту ерунду.

– Алён, подожди! – остановил её полёт знакомый голос.

Она обернулась. Звал ученик из параллельного класса Денис Геленов, с которым она общалась только во время подготовки к олимпиаде по химии.

– Я нашёл пару новых решений к задачам.

– Не может быть.

– Точно. Приготовился долго ждать тебя, в своём театральном вы по три часа копаетесь.

– Больше копать не буду, я бросила и театр, и рисование.

Денис поправил стильные очки, одобрительно кивнул:

– И правильно. Зачем тебе это надо, ты же химией увлекаешься. Пошли в лабораторию, на опыте покажу решение задачи.

Алёна замерла, потрянула головой.

– Геленов – ты гений, а вот я не смогла найти ответ.

– Так кардинально я бы себя не называл, но умным считаюсь.

Алёна засмеялась.

Глаза Дениса и так большие, от удивления расширились ещё. Он ни разу не видел её смеющейся.

– У тебя ямочки на щеках.

– Всегда были, ты Геленов рассеянный человек.

***

Алёна отзвонилась матери, позавтракала, на всякий случай сообщила соседке, что собирается позаниматься в библиотеке. Потом замкнула дом изнутри, поставив перед собой маятник, уселась на пол. Переход на Тарию произошёл быстро, словно она уже проторила дорожку в параллельный мир. После заснеженной улицы странно смотрелась пожелтевшая трава, чуть колыхающаяся от слабого ветерка. Солнце стояло прямо над головой.

– Неркан! – позвала Алёна.

Шелест травы и больше ничего.

– Неркан – крикнула она громче.

Вспомнив, откуда он выбрался в последнюю их встречу, направилась туда. Проходя мимо камня, похожего на все остальные, она так и не научилась разбираться, где спящие тарийцы, а где настоящие камни, дотронулась до него. Валун шевельнулся. Алёна с визгом отпрыгнула.

– Это ты, Неркан.

Тариец медленно приподнялся, расправил руки, ноги.

– Когда ты прибыла?

– Только что. И, между прочим, я громко звала тебя.

– Увлёкся немного. Ты принесла маячок?

Алёна протянула прибор. Морщинистая тёмная рука схватила маячок.

– Мало! – раздался недовольный голос Неркана. – Почти совсем нет энергии, мало нужных эмоций.

Алёна удивилась.

– Не может быть. Я всюду брала прибор с собой: и на свадьбу мамы, и в больницу к Ольге, да везде. Там должно зашкаливать от эмоций.

– Ты не слушаешь! Мало нужной мне энергии.

– А какая разница? Ты же не киношный злодей, которому для подпитки нужны страдания и муки жертв. – Алёна посмотрела в мутные зеленовато-серые глаза инопланетянина.

– Не злодей. Мне нет дела до переживаний людей, но так получилось, что отрицательные эмоции больше подходят нашему организму, дают сильную встряску.

Алёна с подозрением уставилась на Неркана.

– Эмоции для тебя, как наркотик. Извини, но я не собираюсь издеваться над одноклассниками и знакомыми.

Неркан подтянулся, устроился на камне удобнее. Сложил руки на бочкообразном теле.

– Ты сама хотела наказать обидчиков, я помог тебе. Продолжай в том же духе, и останемся довольны оба.

– Из-за меня одноклассница чуть не попала в психушку. Я слишком далеко зашла, больше не хочу никому мстить. Удовлетворения никакого, только совесть замучила.

– Я думал ты сильная, не размазня, как большинство землян. Владеешь своим телом, проходишь из мира в мир. Что тебе чьи-то переживания?

Алёна ощутила резкую неприязнь к тарийцу. Он использовал её, а она легко поддалась на искушение навредить четверке Платовой. И сейчас подзуживает.

– Как оказалось, чужая боль затрагивает меня. Извини, но я вряд ли ещё соберу для тебя отрицательные эмоции.

– Тогда верни мой голограф, – прошипел инопланетянин. – Ты разочаровала меня. Зря я столько лет ждал твоего появления, думал, мы станем полезны друг для друга.

Алёна положила голограф на ближайший камень.

– Да пожалуйста. Он мне не нужен.

Неркан протянул руку.

– Подай голограф.

Алёна насторожилась, глаза тарийца дважды сменили цвет. Она ощутила непонятную угрозу.

– Сам возьмишь, – на всякий случай она отступила от камня на пару шагов, встала вплотную к месту перехода.

– погоди! Ты что, опасаясь меня? Тарийцы миролюбивая раса. Извини, я немного расстроился. Забирай голограф, вдруг пригодится.

Алёна ощутила ласковое тепло в голосе Неркана и поняла:

«А ведь снова он пытается ментально на меня воздействовать». Прикинула расстояние от тарийца до камня, на который положила прибор.

– Ты можешь добавить в голограф изображение: глубокой ямы с водой, каменной стены или допустим колючей изгороди.

– Конечно. Сейчас сделаю, подай прибор.

Алёна покачала головой.

– Сделай, а я в другой раз заберу голограф, сейчас спешу домой. – Она повернулась к светящемуся овалу, краем глаза успела заметить злобную гримасу на лице тарийца.

Алёна считала Неркана неуклюжим, но он как-то быстро переместился и левой рукой, схватил её за щиколотку. Алёна взвизгнула и ударила ногой по серой конечности тарийца. Сухая кожа лопнула и выступили несколько капелек тёмной крови. Его пальцы разжались. Алёна прыгнула в проход, успев услышать его слова.

– Прости, я не хотел тебя напугать. Буду ждать здесь.

***

Перестав посещать театральный и художественный кружки Алёна, почувствовала себя узником, сбросившим вериги, но, к сожалению, освободилось много времени, и она пока не знала чем его заполнить. В классе по отношению к ней тоже произошли перемены. Раньше она мечтала, чтобы её оста-

вили в покое, но когда это произошло, ощутила вокруг себя звенящую пустоту. Четвёрка Платовой больше не строила каверзы, Диляра по-прежнему с ней не разговаривала, а Саша Арно делал вид, будто её не существует. Он, видимо, не мог простить себя, что проявил перед ней слабость. Остальные школьники, узнав от Маши Даниловой большой любительницы сплетен и новостей о способностях Алёны, держались от неё подальше. И раньше желающих с ней общаться было мало, но хоть кто-то, да находился. Алёна не ожидала, что образовавшийся вакуум будет так тяготить. Беседы с матерью, ставшие редкими, добавляли горчинки к одиночеству. Раньше Алёна тяготилась допросами родительницы и вынужденным враньём, а сейчас бы обрадовалась общению с ней. Приходилось привыкать к новому положению: больше она не единственная отрада материнской души.

«Ладно, я уже почти взрослая, сама справлюсь. В конце концов мама счастлива, и так много лет посвятила только мне. Будет нечестно теперь цепляться к ней, будто я до сих пор маленькая девочка», – утешала себя Алёна.

Она уже жалела о театральном кружке, там возникала иллюзия присоединения к большинству. Как ни удивительно, но теперь не доставало споров и разговоров с бандой Пановой, общения с Арно. Но вспомнив о нудных чтениях пьес, выкинула мысли о возвращении в студию.

Встретившись с Геленовым на перемене, Алёна стукнула себя по лбу.

– Денис, ты мне подал замечательную идею.

Тот поправил очки, прямые брови полезли на лоб.

– Я и слова не сказал.

– Но подтолкнул к решению. Когда занятия в химической лаборатории?

Денис улыbnулся, обнажилась щербинка на переднем зубе, которая отчего-то делала его улыбку забавной и трогательной.

– Хочешь прийти?

– Начну заниматься в кружке.

– Давно пора. Тебе нравится химия, тем более, что разбираешься в ней неплохо, – Денис ухмыльнулся, вспомнив рисунки Алёны на конкурсе. – А художник из тебя так себе.

Геленов обладал одним удивительным качеством, он никогда не врал и даже не делал попытки смягчить свои слова, но каким-то образом ухитрялся не обидеть собеседника. Прозорливо находил в человеке пусть небольшой талант, или хорошее качество характера и указывал на него. Денис считался гордостью школы, выиграв все районные, а потом и краевые олимпиады по химии и биологии, стал ездить на международные. Став популярным, Геленов не изменился, остался тем же стеснительным, рассеянным и немного неловким подростком.

Алёна знала о мечте Дениса стать биотехнологом, он собирался создать ткань, которую будет огибать свет, ткань-невидимку. Он, паренёк из провинциального городка, не разме-

нивался на малое, ставил перед собой грандиозные цели. И отчего-то верилось: всё у него получится. Она познакомилась с Денисом случайно, осталась после занятий, пытаясь решить трудную задачу по химии. Геленов помог с решением, а потом показал несколько интересных опытов. В химической лаборатории он находился, как у себя дома, ему единственному со всей школы позволялось здесь работать в отсутствие преподавателя. Алёне очень нравилось ставить опыты и решать запутанные задачи.

Химический кружок стал выходом из круга одиночества. Её одноклассники не интересовались химией, в лаборатории она могла быть сама собой. А главное, в кружке Алёну никто не звал Мышинской, считали девочкой с хорошей головой.

Глава 9

Мать с Алексеем Игоревичем собирались в театр, предложили Алёне отправиться вместе с ними. Она отказалась наотрез.

– Нет уж, лучше схожу в кино. Можно?

Марианна Авдеевна, зная о нелюбви дочери к театру, не помогли даже занятия в театральной студии, не стала настаивать.

– В кино. Можешь.

Алёна ушла с сеанса: разрекламированный по телевизору фильм про инопланетян оказался неинтересным и скучным. Подтаявшие за день сугробы, стали пологими и ноздреватыми, словно надкусанные куски сыра. Деревья, сбросившие снежный наряд, сиротливо качали голыми чёрными ветками. Лишь ели в парке могли похвастаться яркой зеленью хвои. Алёна побродила по дорожкам парка, подышала свежим воздухом, пахнущим наступающей весной, и отправилась домой. Она подошла к перекрёстку в тот момент, когда светофор загорелся зелёным. На дорогу ступила одновременно с женщиной и мальчиком лет пяти. Ребёнок вырвал ладошку из руки матери и побежал на другую сторону улицы. В этот момент из-за поворота вылетел автомобиль и с

огромной скоростью помчался на мальчика. Алёна на секунду замерла, сердце заколотилось с бешеной скоростью, ладони и стопы ног стали горячими, будто их опустили в кипяток, голова же стала ясной и чистой. Она с удивлением увидела: колёса автомобиля едва крутятся, а сам он еле движется. Повернув голову, обнаружила замершую рядом с собой женщину, впереди зависшего в прыжке мальчика. На противоположной стороне улицы возле магазина застыли люди с открытыми в крике ртами. Алёна пришла в себя от потрясения и рванула к ребёнку, автомобиль хоть и медленно, но продолжал движение. Мальчик оказался тяжёлым, схватив в охапку, она потащила его к тротуару. Поставив ребёнка на дорожку, прижала к себе. Тотчас вернулись звуки. Только сейчас она осознала, что всё происходило в полной тишине. В уши ударили крики людей, вопли перепуганной матери, и рёв мотора машины, промчавшейся мимо.

– Игорёк! Ты зачем так сделал, зачем побежал через дорогу? – закричала женщина, подбегая. Она принялась судорожно ощупывать мальчика. Глянула на Алёну. – Как? Не понимаю, как вы его успели схватить?

Алёна бросила взгляд на людей у магазина. У всех были удивленные, недоумевающие лица. Пожала плечами.

– Сама не знаю. Наверно, быстро бегаю.

– Спасибо, девочка. Ты спасла его. Как тебя зовут?

Алёна испытывала не меньшее потрясение, чем зеваки прохожие.

– Неважно. Извините, я спешу. Удачи вам, – ей хотелось быстрее уйти и обдумать случившиеся.

– Девочка, погоди!

Но Алёна только ускорила шаг.

– Нет, вы видели. Эта пигалица стояла на той стороне дороги, а потом раз, и уже здесь на тротуаре. Как она так быстро добралась вместе с мальчишкой, – услышала она, проходя мимо мужчины.

«Сама не понимаю, – нервничала Алёна, почти переходя на бег. – Вот бы у Неркана спросить».

За ужином, съев тарелку макарон с сыром, не ощутила сытости. Сделала себе большой бутерброд, налила полную кружку горячего чая.

«Вот и обжорство началось», – хмыкнула Алёна, доедая последний кусочек хлеба. К ней возвращались силы, ещё немного ломило руки в плечах, будто она перетащила не маленького мальчика, а тяжёлый камень.

Ночью ей приснился странный сон.

Деревенская улица, заросшая травой, из неё, словно цыплята, выглядывают жёлтые головки одуванчиков. Маленькая девочка, года три не старше, идёт по тропинке, за ней вперевалочку один за другим топают пушистые гусята. Она останавливается, гусята окружают её, тянут крохотные шеи и начинают переговариваться.

– Отдохнули? Идём дальше на луг, – командирским тоном заявляет девочка, и тут же с умилением на личике про-

водит рукой по нежному пуху гусёнка, треплющего пряжку её туфельки. – Муся, туфли не съедобны, – объясняет она настойчивой птице.

Гусята, заслышав голос, начинают гулить громче. Девочка пресекает непослушание тем, что отправляется в путь по тропинке. Гусята вновь выстраиваются в линию. Эта странная процессия переходит дорогу и направляется к ровному, будто подстриженному лугу. Заслышав рокочущий звук мотора, девочка оборачивается и с ужасом замечает: Муся что-то клюет прямо посередине дороги. Девочка машет руками и кричит шофёру, пытаясь привлечь внимание к гусёнку. Водитель автобуса улыбается и машет ей в ответ. Бабушки, сидящие на лавочке, отвлекаются от беседы и смотрят, как девочка бежит к дороге и бросается прямо под колеса автобуса. Одна из старушек вскакивает, забывая про возраст, спешит к месту происшествия. Бледный водитель с перекошенным от страха лицом, вываливается из-за руля на ватных ногах и хватается за голову.

– Я не успел затормозить... она так быстро кинулась под автобус.... – бормочет он и садится без сил на обочину.

Старушка становится на четвереньки и заглядывает под автобус.

– Бабуля, что там ищешь? – раздаётся за её спиной детский голосок.

Пожилая женщина оборачивается – девочка жива-здорова стоит на траве и держит на руках гусёнка.

– Алёна, нельзя так делать! Ты могла погибнуть!

Девочка мотает белокурой головкой, улыбается, на её щеках появляются очаровательные ямочки.

– Нет, бабушка, автобус ехал так медленно, что я проползла между колёс.

– Всё равно нельзя так делать. Ты перепугала дядю Толю. Девочка округлила глаза.

– Он же большой. Я кричала ему, а он не слышал и ехал прямо на Мусю.

Гусёнок клювиком щипал пальцы девочки, она фыркнула:

– Щекотно же.

Старушка подошла к водителю всё ещё находящемуся в прострации.

– Толя, она жива. С Алёной всё в порядке.

Мужчина поднял голову, непонимающе посмотрел на неё.

Бабушка громко позвала:

– Алёна, ну-ка иди сюда и проси прощения у дяди Толи.

Девочка робко выглянула из-за автобуса.

– Извините, я больше не буду ползать под вашим автобусом.

Водитель провёл руками по лицу, словно пытался убрать жуткое видение, вздохнул:

– Я чуть не умер от страха, думал, задавил тебя. Разве можно рисковать жизнью из-за утёнка.

– Муся – гусь, – уточнила девочка.

Старушка махнула рукой, мол, убирайся с глаз долой. Де-

вочка побежала на луг к своему крошечному стаду.

– Прости её, Толя. Глупая ещё.

Он поднялся, ощутив дрожь в коленях, снова уселся.

– Но как она успела проскочить?

– Бывают чудеса, – буркнула бабушка. – Повезло.

Алёна проснулась. Сон чётко отпечатался в мозгу. Она никогда раньше не видела таких ярких, реалистичных снов. Ей до сих пор чудился запах травы и горячего пыльного асфальта. Девочку во сне тоже звали Алёной. Она так же спасла гусёнка, как она вчера мальчика. Может, сон – воспоминания из её детства. Алёна попыталась восстановить образ старушки из сна, лицо расплывалось, хорошо помнились лишь рыжие с сединой волосы и сердитые голубые глаза. Неужели ей приснилась бабушка, которую она совсем забыла. Мама никогда не хотела вспоминать о родных, поясняла: слишком больно рассказывать об их гибели. Как жаль, что у них никого нет. Она бы с радостью поехала к ней в гости летом. Алёна зевнула, потянулась. И почему детство не длится вечно. Внутри себя она ощущала отголоски сна: радость той маленькой девочки, любовь к бабушке и к миру.

«Я была очень счастливой тогда. Что же случилось с родными? Если мама думает: можно вечно скрывать правду, то ошибается. Незнание ещё хуже. Тайны только притягивают».

Потом пришло осознание: если она умела ускоряться ещё

в детстве, значит вчерашний случай закономерен. Просто она забыла об этом. Что ещё не знает о себе?

После уроков Алёну в коридоре поджидал Денис.

– Я провожу тебя в лабораторию.

Алёна улыбнулась. Никто из мальчишек не носил полный комплект формы. Кто-то другой, надев брюки, галстук, жилетку и пиджак смотрелся бы парадно или смешно. На Геленове это выглядело естественно.

– Думаешь, я забыла дорогу?

– Просто нас отпустили раньше, я решил тебя подождать.

Алёна заметила, какими любопытными взглядами на них смотрели её одноклассники. Платова явно сдерживалась из последних сил, лицо Юльки выражало злорадство и муку одновременно. Дениса, как интеллектуальную гордость школы, знали все. Злорадство оттого, что Геленов, занятый наукой, не обращал внимания на девочек, Юлька посчитала, что Алёна решила приударить за Денисом, лишь бы досадить ей. Только вчера она обронила при Алёне, что им всем надоели признания мальчишек в нежных чувствах. Действительно, в восьмом классе четвёрка Платовой стала пользоваться симпатией у сильной половины школы. Даже старшеклассники приглашали их на свидания. А уж одноклассники просто засыпали записками. Алёна думала, её противостояние с бандой закончилось, но оказалось оно перешло на другой уровень. Девочки сдержали обещание: не обзывали её в гла-

за Мышинской, не строили козни, но всячески показывали насколько они популярнее и лучше Алёны. Рослая Юля выглядела старше своих лет и уже полгода дружила со старшеклассником. Соня, превратившись в симпатичную милую девушку, ухитрялась кружить голову сразу двум одноклассникам. Оля пыталась строить из себя женщину-вамп, и если взрослые при виде пятнадцатилетней девчонки с гримом качали головами, то на ребят она производила неизгладимое впечатление. Пухленькая Маша тянулась за подружками и, как умела, строила глазки мальчишкам. По мнению банды, Алёна проигрывала по всем фронтам, так как ей не писали записки, не назначали свиданий, да и вообще будто не замечали. Наконец четвёрка Платовой взяла реванш за предыдущее поражение, теперь они ощущали себя победителями. Девочки даже не подозревали, что сражались с пустотой. Увидев Алёну с Денисом, сделали неправильный вывод. Им даже не пришло в голову, что она связана с ним общим интересом к химии. Как бы то ни было, Юля с досадой смотрела на встречу Мышинской с Геленовым. Даже Саша Арно удостоил удивлённого взгляда собеседника Алёны. А она, заметив изумление одноклассника, невольно сравнила Сашу и Дениса. Оба имели высокий рост, но если Геленов выглядел немного нескладным и худым, то Арно мог похвастаться силой. Зато Денис выигрывал за счёт своего обаяния, и какой-то неуловимой харизмы, заставлявшей других людей внимательно к нему прислушиваться. Саша же ред-

ко улыбался, и казался слишком серьёзным для своих лет. В младших классах чуть более длинными, чем надо, волнистыми светлыми волосами и миловидным лицом он походил на изнеженного принца, в старших классах стал стричься коротко, черты лица изменились, но окончательно не оформились в взрослые мужские. И этот переходный период его не красил, пока Арно напоминал лишь заготовку для будущего красавца.

При появлении Алёны с Геленовым в лаборатории сразу посыпались вопросы и предложения.

– Как ты её уговорил?

– Алён, иди за мой стол, у Дениса вечно всё взрывается.

– А что блондинки уже поумнели?

– Алён, укрась моё общество, можешь ничего не делать.

Руководитель Ада Сергеевна, приподняв защитные очки, с усмешкой смотрела на учеников, взбудораженных появлением в их обществе симпатичной девочки. В кружке, кроме неё, уже имелась одна особа женского пола – Лида. Но называть её повелительницей мальчишеских грёз не получилось бы и с закрытыми глазами. Высокую, костлявую, нескладную девочку с лицом лисички уважали за незаурядный ум и покладистый характер. Ада Сергеевна остановила переполох взмахом руки.

– Ты пришла поприсутствовать?

Алёна знала, что химичка, только кажется строгой, на са-

мом деле добрейший человек, честно призналась:

– Я хотела бы посещать занятия.

– Ладно. Можешь встать за стол к Фёдору.

Алёна направилась за указанный стол.

– Федя, – протянул ей руку смуглый, кучерявый мальчик невысокого роста, похожий на Пушкина в миниатюре. Через паузу добавил: – Дикий.

Алёна не успела открыть рот, как он уточнил:

– Фамилия такая Дикий.

– Донская-Лазарева.

Федя остановил на её лице внимательный взгляд чёрных глаз-маслин и простодушно заявил:

– Красивая.

Алёна смутилась, про свою красоту слышала только от матери и от некоторых взрослых. От ровесников никогда.

– Ты всегда говоришь, что придёт в голову?

Федя надел защитные очки, одну пару протянул Алёне.

– Я всегда говорю правду, научился у Геленова. Только красота ничего не значит, ум важнее.

– Понятно, – успокоилась Алёна.

Ей всегда казалось, что уроки химии слишком быстро заканчиваются, и теперь она с удовольствием провела полтора часа в лаборатории. Они проверяли влияние ускоренной коррозии на металл.

После занятий в лаборатории Денис вызвался проводить Алёну домой. С неба сыпался мелкий снег, похожий на ман-

ную крупу, словно кто-то наверху собрался варить кашу. Из-за серых рваных туч рано стемнело и казалось, уже наступил вечер. Когда до дома Алёны остался квартал, она сжалась над продрогшим Геленовым, всю дорогу рассказывавшим о новых открытиях в химии, предложила расстаться.

– Спасибо, за интересный рассказ, дальше я сама дойду.

– Ладно. Пока, – обрадовался Денис.

– Молодые люди, выделите сотенку на сигареты, – услышали они чей-то надтреснутый глухой голос. От стены дома отделился мужчина неопределённого возраста. – Чего рты раскрыли? Гоните сто рублей.

Алёна возмутилась:

– С чего вдруг мы будем давать вам на сигареты?

Геленов насторожился, отступил на пару шагов и быстро прошептал Алёне:

– Посмотри на его лицо. Это наркоша. Лучше с ним не связываться. Ты убегай первая, я потом.

Алёна растерялась. За её четырнадцать лет она ни разу не попадала в такие ситуации.

– Не хотите сотенку, гоните телефоны, – произнёс второй мужчина.

Не замеченный ими, он стоял за толстым стволом платана. Незнакомец лениво приблизился к ним и вдруг, резко вскинув руки, схватил обоих школьников за куртки. Дыхнув в лицо Алёны аммиачным запахом, приказал.

– Чё застыли! Давайте телефоны.

Денис вытащил из кармана телефон. Мужчина сграбастал мобильный и оттолкнул подростка в сторону

– Вали отсюда!

Первый вымогатель дёрганными движениями подошёл к сообщнику.

– Быстрее, пока прохожих нет. А ты, дура, чего жмёшься? Не хочешь жить? Жадничаешь телефон отдать.

– Алёна, отдай им, – Денис поднялся и попытался закрыть её собой.

Она посмотрела на него, перевела взгляд на грабителей, волна злости и страха накрыла её с головой.

– Денис, беги! – крикнула она, и укусила грабителя за руку.

Тот заорал и стал трясти прокушенной рукой. Алёна изо всех сил рванула по тротуару. Не услышав погони, оглянулась, преследователи сильно отстали. Алёна свернула к своему переулку. Грабители остановились, и стали переговариваться между собой. Она дождалась, когда они скрылись из вида, и отправилась к своему дому.

На следующий день Алёна явилась на тренировку самбистов.

– Ашот Тигранович, я хотела бы заниматься в секции самбо.

Тренер смерил взглядом изящную фигурку школьницы, посмотрел на кукольное нежное личико. Он не понимал, что нужно этой малявке, такие, как она, обычно думают лишь о

нарядях. Вот в театральном кружке ей самое место. Он сам видел, девочка неплохо держится на сцене.

– Ноготки не боишься поломать?

– Не боюсь. Я должна научиться защищать себя.

С высоты своего роста ему пришлось согнуться, чтобы сказать ей на ухо.

– Не советую тебе этим заниматься. Самбо не для тебя. Ещё год-два и защитников у тебя будет полно.

– Мне не нужны защитники, я сама справлюсь, – пробурчала Алёна, задирая подбородок.

– Ладно. Какой у тебя рост и вес?

– Метр пятьдесят семь, сорок шесть килограмм.

Ашот Тигранович развёл руками.

– По росту я ещё найду тебе партнёра, а по весу...

Алёна с вызовом посмотрела в глаза тренеру.

– Вы не можете мне отказать. Я буду стараться.

Тигран Ашотович, заметив, что ученики с любопытством прислушиваются к их разговору и прекратили тренировку, возмутился:

– Чего уши развесили? Продолжайте. Подумаешь диво. У нас уже имеются две девушки в команде, будет третья. А ты иди переодевайся в спортивную форму, скажешь родителям пусть приобретут кимоно. Кстати, поблажек не жди.

Когда Алёна появилась в зале в маечке и обтягивающих шортах, раздались смешки.

– Извините, Ашот Тигранович, но у меня другой формы

нет.

Тренер погрозил мальчишкам кулаком.

– Разминайся. А потом осторожненько попробуй повторить хоть пару движений.

Она кивнула.

– Хорошо разогрей мышцы, прежде чем повторять движения.

Алёна, не обращая внимания на косые взгляды и смешки, два часа усердно занималась в дальнем углу зала, отдельно от всех. Тренировка казалось ей нудной и простой. Но после душа, в раздевалке, она чувствовала себя такой вымотанной и усталой, что еле оделась.

– Зачем на самом деле припёрлась в секцию? – на скамейку к Алёне под села девочка с ярко рыжими волосами. Удивительно, но при таком цвете волос она обладала чистым белокожим лицом без единой веснушки.

– Я же сказала, хочу сама себя защищать. Неприятно чувствовать себя беспомощной.

Светло-карие глаза девочки заискрились смехом. Она согнула руку в локте, демонстрируя впечатляющие мускулы.

– Думаешь получитьсь?

– Зин, если хочет, пусть попробует. Нам она точно не соперница, – вытирая волосы полотенцем, заявила вторая девочка.

Алёна отвела от неё взгляд, та, совершенно не стесняясь своей наготы, начала одеваться.

– Я слышала о тебе, – Зина тряхнула короткими яркими волосами. – Попробуешь делать гадости ребятам в секции, схлопочешь по первое число.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.